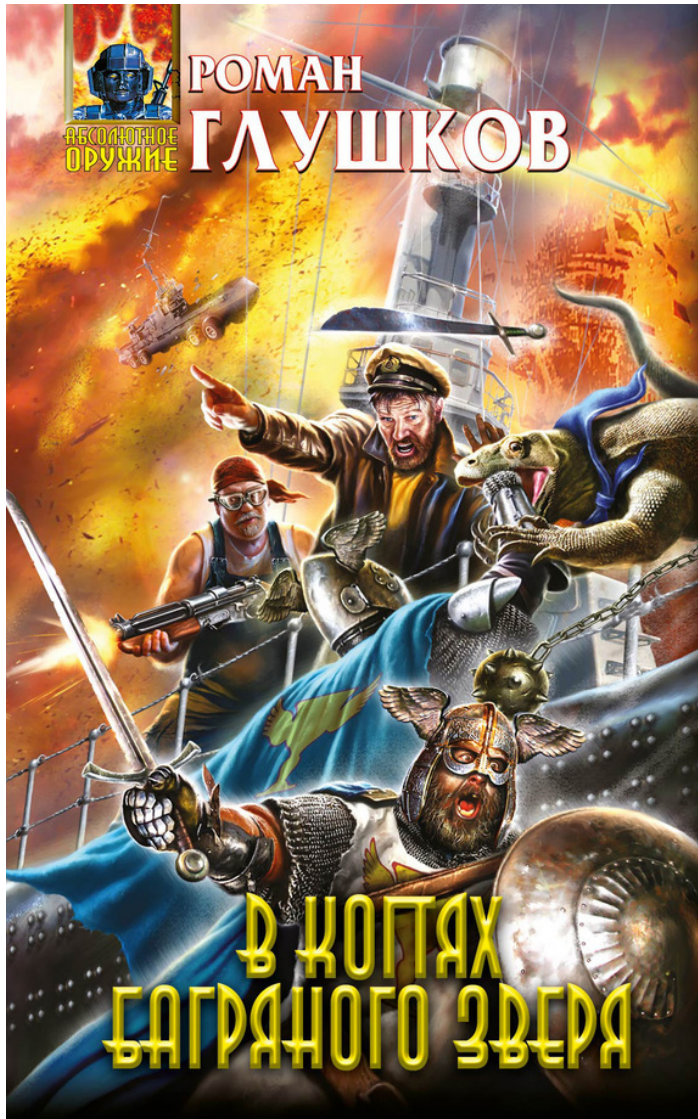

РОМАН ГЛУШКОВ

В КОПТАХ БАГРАНОГО ЗВЕРЯ

Роман Анатолевич Глушков

В когтях багряного зверя

Серия «Грань бездны», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6277841

Глушков Р. А. В когтях багряного зверя : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64463-6

Аннотация

Казалось, все круги ада в войне с пришельцами Вседержителями позади. Можно зачехлить орудия бронеката «Гольфстрим» и зажить мирной жизнью. Но на руинах былого мира начинается новая большая драка, ведь оставшиеся без привычного заработка наемники-северяне намерены установить свои порядки. Выходит, шкиперу «Гольфстрима» Еремею Проньре Третьему рановато на покой. Он вновь собирает свою команду, чистит оружейные жерла, а уж куда их нацелить — боевая обстановка покажет...

Содержание

Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	42
Глава 3	63
Глава 4	94
Глава 5	113
Глава 6	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Роман Глушков

В когтях багряного зверя

Костры не разгоняют тьмы.
Станислав Ежи Лец

Если вам повезло остановить конец света, не спешите радоваться. Впереди вас ждет новое суровое испытание — возрождение этого самого света.

Возрождение... Сколько надежд и уверенности в завтрашнем дне заключено в этом слове! Отчасти это действительно так, потому что иначе все, что творится сегодня на нашей планете, назвали бы менее возвышенно и романтично. Одно плохо: мечтать и надеяться нам приходилось в таких тяжких условиях, что в сравнении с ними даже пережитое нами преддверие конца света выглядело вполне терпимо.

Медленная смерть Земли, уничтожаемой вторгшимися на нее несколько веков назад пришельцами-Вседержителями, протекала без мучительной агонии. В подобной смерти тоже есть своя романтика — романтика увядания, угасания, ухода в небытие, погружения в Лету... Вседержители отобрали у нас огонь, превратив его в разрушительный метафламм. Они настолько истончили нам атмосферу, что даже в полдень на нашем небе светили звезды. Мы потеряли почти все водные запасы, кроме еще не растаявших антарктических льдов. А в итоге лишились бы и их, поскольку наш враг не оставлял

попыток растопить южную полярную шапку. Это был неумолимый закат человечества, пускай мы и старались отсрочить свою кончину с помощью доступных нам трофейных технологий пришельцев.

Вот только разве в силах человек остановить закат? Да, мы можем подняться на самую большую гору, к верхней границе атмосферы, и продлить себе радость созерцания заходящего солнца. Но как бы мы ни изощрялись, как бы высоко ни взбирались, оно скроется за горизонтом независимо от нашего желания. И оставит нас одних на горной вершине, во мраке, холоде и безысходности.

И все-таки отыскался на Земле герой, сумевший остановить конец света, сокрушив оплоты Вседержителей — исполинские Столпы. А заодно с ними, похоже, и планы пришельцев по окончательной очистке нашей планеты от остатков человеческого мусора.

Этого самоотверженного человека звали Дарио Тамбурини. Используя научные разработки ордена монахов-табуитов, что был истреблен армией хозяйки антарктических вод — Владычицы Льдов, — выживший молодой монах Тамбурини совершил невозможное. Он умудрился заключить мир со своими злейшими врагами-южанами и нанес вместе с ними удар по Новому Жерлу — одному из ключевых узлов Столповой системы Вседержителей. Я и команда моего бронеката-истребителя также принимали в этом участие. И отправили нашего друга Дарио верхом на сверхмощной бомбе

прямоком в бездонный колодец, навстречу гибели. А иначе было никак. Бомбу требовалось активировать вручную, в строго определенный момент, и кто, как не ее изобретатель, мог выполнить такую ответственную работу.

Бомба взорвалась, и вызванная ею в глубинах Земли цепная реакция разрушила те механизмы, что столетиями превращали наш мир в безводную и безвоздушную пустыню. Наш удар по пришельцам был страшен. Мы могли только догадываться о том, что при этом творилось в недрах планеты. Но, судя по ужасам, какие разразились на ее поверхности, можно было сделать вывод: камикадзе Дарио сумел потрясти сами основы современного мироздания.

Первыми упали Столпы. Фундаменты подпирающих небеса многокилометровых башен ослабли, и они завалились на землю, породив множественные катаклизмы. А также похоронив под собой артели Стервятников — собирателей иностали. Той самой иностали, что прежде отваливалась от Столпов и служила главным строительным материалом, а также движущей силой нашей экономики.

Впрочем, скорбь по Стервятникам скрашивало то, что вместе с ними погибло немало Вседержителей. Они не могли жить на поверхности Земли, в агрессивной для них среде, поэтому их базы располагались на вершинах башен. И когда те рухнули, не все пришельцы успели запрыгнуть в свои летучие корабли и удрать в космос. Многим из них было суждено найти здесь свою кончину, разбившись о земную

твердь.

Потом из долгого подземного заточения вырвалась вода. Сначала она заполнила разломы и впадины на бывшем океанском дне, а также заставила выйти из берегов талые антарктические озера. И продолжала прибывать, правда, уже не равномерно, а хаотически — где-то быстрее, где-то медленнее. На одном краю Атлантики вода могла фонтанировать из-под земли и затапливать в считанные дни огромные территории. В то время как в других местах уровень новорожденных водоемов оставался неизменным. Или же вовсе падал, хотя, образовавшись однажды, они уже не исчезали полностью.

Вода возвращалась в свои покинутые когда-то владения коварной и непредсказуемой стихией. Конечно, мы наблюдали лишь отголоски тех катаклизмов, что бушевали где-то в земных недрах. Но и этих долетающих до нас «брызг» хватило, чтобы изменить картину нашего привычного мира.

Все имеющиеся у нас карты вскоре устарели и стали пригодными лишь для весьма приблизительной прокладки маршрута. Дороги и гидромагистраль, по которым еще вчера танкеры Владычицы Льдов снабжали Атлантику водой, были размыты озерами и реками. Высотные отметки в Атласе еще позволяли предугадать, затоплен или нет тот или иной отрезок пути. Но даже опытные картографы не сумели бы вычислить ни площадь потопа, ни скорость его разлива, ни то, как он отразился на окружающих землях. Словно оголодав-

ший зверь, вода жадно отъедала у нас пригодное для жизни пространство. И то, что еще вчера казалось недостижимым счастьем — возвращение на Землю рек, морей и океанов, — сегодня вылилось в настоящую всемирную катастрофу...

...Которая лишь усугубилась, когда на нас обрушилось еще одно долгожданное «счастье» — огонь. Первым вестником его возвращения стали проснувшиеся вулканы. Вода растворила слой жидкого иногаза, каким Вседержители наполнили когда-то вулканические жерла и погасили извержения. Их энергия вновь вырвалась на поверхность и... нет, мир не накрыл крупнейший за всю историю шторм метафламма. Вулканы изрыгнули самые настоящие огонь, дым, лаву и пар. Все это тоже выглядело жутко, и все же не настолько, как если бы вместо них Атлантику поглотили бы черные всполохи. Они разрушили бы не только склоны гор, но и горы целиком, а то и целые хребты, стерев их в пыль до самого основания.

Вулканы салютовали огнем, приветствуя пробуждение мира после многовековой искусственной комы. Пробуждение не было легким — мир корежили тяжкие муки и судороги. Поэтому он даже близко не напоминал тот светлый ностальгический образ, что виделся землянину, наслышанному об эпохе, предшествующей году Всемирного Затмения. Это был не прекрасный рассвет, обещающий перейти в погожее, солнечное утро. Это была гроза, усиленная ураганом, землетрясением и новым, пока еще экзотическим для нас,

буйством огненной стихии. Как и миллиарды лет назад, порядок на Земле вновь выкристаллизовывался из хаоса, даром что последний был учинен человеком. Неважно, ведь после того, как Дарио Тамбурины запустил этот процесс, от человека здесь больше ничего не зависело.

Наверняка когда-нибудь и этот хаос прекратится, планета отмоется от грязи и снова расцветет во всем своем былом великолепии. Вот только когда? И, главное, что станет с нами? Переродимся ли мы в новых людей, достойных стать хозяевами возрожденного мира? Или нам суждено раствориться без остатка в горниле хаоса и освободить Землю для других, более удачных форм жизни?

Чутье подсказывало мне, что уже скоро мы получим ответы на эти вопросы. А пока я и моя команда — завоевавшие себе свободу, бывшие враги, а ныне друзья Владычицы Льдов, — возвращались на нашем бронекате «Гольфстрим» с негостеприимного Юга обратно в Атлантику. Мы ехали на родину, которая, увы, была не рада нашему возвращению, и это еще мягко сказано...

Часть первая

Адепты нечистого пламени

Глава 1

Вам бы только штаны просиживать, пить, жрать да о всякой ерунде трепаться!.. Да вы хотя бы помните, какой сегодня день?! — вдруг ни с того ни с сего разозлилась Долорес «Малабонита» и звякнула в сердцах доньшком жестяной кружки о камень, на каком она примостилась.

— Вторник... А может, суббота... — пожав плечами, равнодушно пробормотал крепыш-коротыш Убби Сандаварг и продолжил не спеша обглаживать косточку. — Какая разница, загрызи тебя пес! Хотя день от ночи еще можем отличать, и то ладно.

И он покосился на низкие свинцовые тучи, затянувшие небо до самого горизонта. По ним то и дело пробежали отблески зарниц, но грозы или «грязного дождя» сегодня вроде бы не намечалось.

Северянин был прав: в последний раз мы видели солнце неделю назад. И то недолго — сквозь разрывы облачного покрова. Пробудившиеся по всему миру вулканы выбрасывали в атмосферу столько пепла, пара и дыма, что вряд ли на

планете вообще остался уголок, где люди наслаждались бы вдоволь солнечным светом.

— Сегодня — пятница! — уверенно заявил я. По многолетней шкиперской привычке я продолжал вести календарь и отмечал в Атласе пройденный «Гольфстримом» путь. — И если бы сейчас над нами палило солнце, а вон там вместо гейзерной реки расстилалась бы обычная хамада, я сказал бы, что впереди у нас с вами целый месяц пути по прекрасной дороге — восточной гидромагистральной. Но теперь я скажу иначе: нам невероятно повезет, если через месяц мы доберемся хотя бы до равнины Кабо-Верде.

— Вот болваны! — еще больше вскипела Долорес. Прямо как та вода, что булькала в нашем подвешенном над огнем котелке. — При чем тут вообще дни недели и какая-то равнина! У вас что, действительно у всех память отшибло?

— Кажется, задавая свой вопрос, мадам Проныра имела в виду некую знаменательную дату, о которой мы с вами, мсье, запаматовали, — подал голос Гуго «Сенатор» де Бодье, откупоривая заработанный нами сегодня утром бочонок с пивом, какое мы в последнее время предпочитали опостылевшему кактусидру. — Сказать по правде, память у меня стала ни к черту. Вынужден к своему стыду признаться, что не припоминаю, какое событие я имел честь отмечать с вами год назад.

Я и Сандаварг вопросительно переглянулись, но так и не нашлись, что ответить. Очевидно, в нашей с ним памяти то-

же зияли досадные прорехи.

— Это случилось не год, а всего лишь полгода назад, — снизошла наконец до разъяснения Малабонита. — Ровно полгода назад Дарио Тамбурины отправился верхом на своей бомбе в самое сердце ада. Благодаря чему вы, неблагодарные склеротики, и можете сегодня обедаться жареным мясом, пить вот этот славный напиток и греться возле костра. Если бы не Дарио, сейчас мы с вами давились бы сухим курадо, сухофруктами и кислым кактусидром. А ночью, кутаясь в одеяла, стучали бы зубами от холода. И пускай при этом Тамбурины наворотил уйму бед, мы не вправе забывать о том, что творилось тогда в Новом Жерле. И тем более стыдно забыть об этом сегодня — в день, когда есть повод выпить за упокой Дарио и прочих табуитов, кто не дожил до возвращения в наш мир огня и воды.

— Охонь — хорошо! Фота — хермо! К щерту фоту! — поддакнул Малабоните пятый член нашей команды, говорящий варан-броненосец Физз. Без солнца, что напитывало светом его фосфоресцирующую по ночам чешую, Физз полюбил огонь больше, чем кто-либо из нас. Даже Убби, который храбро бился врукопашную с самими Вседержителями и их слугами-вактами, и тот робел, когда подходил слишком близко к костру. Зато ящер в последнее время осмелел не на шутку и подползал к огню так близко, что тот едва не лизал ему чешую.

А вот реки и озера наш хвостатый товарищ откровенно

презирал. И не приближался к ним без особой нужды, утоляя жажду по старинке — из своей поилки на бронекате. Видимо, разлившиеся по Атлантике водоемы напоминали врану о проклятом Юге, откуда мы с таким трудом вырвались. Там холоднокровному пресмыкающемуся, чтобы не окочуриться, приходилось впадать в анабиоз, чего болтливый жизнелюб Физз терпеть не мог. Если бы не огонь, который мы разводили на вечерних привалах, он и сейчас пребывал бы в спячке. Но жар и свет костра скрашивали ящеру тоску по солнцу, наделяя его силами для ночной охоты и караульной службы.

Малабонита перегибала палку. Мы не забывали про нашего погибшего друга Дарио и про все, что он для нас сделал. Просто за день мы чертовски вымотались, и у Долорес опять разнылись недавно зажившие травмы, которые и испортили ей настроение. Хотя отчасти ее упреки были справедливыми. И откупоренный Сенатором пивной бочонок позволил нам почтить память Тамбурини-младшего, со дня гибели которого и впрямь минуло целых полгода.

Как быстро, однако, летит время! После возвращения огня история пустилась вперед галопом, от которого у многих прежде нормальных людей напрочь стрясло мозги.

Нашу компанию эта скорбная чаша, к счастью, обошла стороной... по крайней мере, мне так казалось. Конечно, и в нас многое переменялось за те месяцы, что мы колесим по новой Атлантике. Прежде всего мы научились пользоваться

огнем. Сначала разводили его прощальным подарком Дарио — семейной зажигалкой Тамбурины. А после того, как в ней иссякло топливо, наловчились делать это с помощью самодельного огнива, что де Бодье смастерил из напильника и куска пирита. Мы уже неплохо разбирались в горючих материалах и всю запасали их по дороге. Довольно часто они оказывались сырыми, и нам пришлось соорудить для них в трюме сушилку. И все это время мы днём и ночью выдавливали из себя по капле врожденную огнебоязнь. Да, в мире черных всполохов она спасала нам жизни, вовремя подстегивая инстинкт самосохранения. Но теперь, когда метафламма на Земле и след простыл, боязнь огня могла принести нам только вред. Поэтому ее следовало во что бы то ни стало искоренять. Не полностью, а в разумных пределах. Так требовали законы нового мира, в котором мы желали поскорее ужитья.

Получилось ли у нас победить этот страх? Думаю, да. И не у нас одних. То же самое делали тысячи других землян, решивших поскорее подружиться с огнем, о чьих чудесах ходили легенды. И все же нам было проще, ведь мы, четверо, видели прежде настоящий огонь в храме Чистого Пламени табуитов. Видели и знали, что при аккуратном обращении это пламя будет вести себя покладисто и миролюбиво.

Едва мы пересекли Фолклендский разлом и, покинув земли южан, очутились на родине, как перед нами сразу же встали вопросы, что делать и куда податься. Выданные нам Вла-

дычицей Льдов документы о помиловании снимали с нас все обвинения и снова открывали «Гольфстриму» ворота городов Атлантики. Кроме ее столицы — Аркис-Грандбоула. С властями Великой Чаши у нас были свои счета, и на преступления, что мы там совершили, амнистия королевы Юга не распространялась. На наше счастье, нас ничто не связывало с Аркис-Грандбоулом, и мы могли воздержаться от визитов туда.

Итак, чем же заняться свободным перевозчикам в начинающем «возрождаться» — читай, сходить с ума — мире? Да тем же, чем и раньше, ведь сегодня наши услуги были по-прежнему востребованы. Гонимые вулканическим огнем и водой, люди срывались с насиженных мест в поисках лучшей доли. И многие из беженцев не скупились на награду, спасая себя, свои семьи и нажитое честным трудом имущество.

Обмозговав, что почем, мы договорились не заключать долговременные контракты — творящийся повсюду бедлам не гарантировал, что я исполню их в срок. Решили мало-помалу двигаться на Север, перебиваясь кратковременной, желательной попутной работенкой. И брать оплату не деньгами, что нынче почти везде обесценились, а продуктами и прочими необходимыми для выживания вещами.

В обмен на те и другие мы могли позволить себе практически все что угодно. В том числе немыслимую для меня прежде роскошь — установку на бронекат вспомогательно-го двигателя, крайне необходимого для езды по раскисшей

от грязи хамаде. К счастью, нам не пришлось покупать себе второго Неутомимого Трудягу, ведь у нас уже был запасной ДБВ. Тот самый, что мы сняли с уничтоженного Вседержителями строймастера табуитов «Зигфрид», и который все это время пролежал у нас в ожидании своей дальнейшей участи.

Что ж, вот и пригодился! Команда не опротестовала мое решение, пусть поначалу мы и планировали продать эту дорогостоящую находку, а деньги поделить между собой. Все осознавали: подобное вложение средств — единственное, которое сегодня гарантированно окупится.

Установку на «Гольфстрим» второго ДБВ произвела артель клепальщиков из Аркис-Жанейро, потратив на все про все полторы недели. Совсем немного — в былые времена такая работа делалась бы втрое дольше. Просто эти клепальщики шагали в ногу со временем и уже вовсю осваивали прогрессивную технологию обработки иностали огнем. За что их можно было по праву называть не клепальщиками, а кузнецами. В награду за их труд мы перевезли их артель через Срединный хребет на восток, в Аркис-Намиб. Новоиспеченные кузнецы давно хотели объединиться с тамошними ремесленниками и основать свое, обособленное, ни от кого не зависимое поселение. Мы помогли им осуществить эту заветную мечту, взяв вполне посильную для них плату.

Вот так мы очутились на восточной гидромагистрали, где и задержались на какое-то время. Здесь также хватало работы, которую даже не приходилось искать. Стоило «Гольф-

стриму» остановиться вблизи какого-нибудь города или поселка, и клиенты сами спешили к нам. А клиентам требовались не только транспорт, но и охрана. Поэтому решивший было нас покинуть и отправиться на Север наемник-головорез Убби Сандаварг передумал и остался. Что ждало его на Севере, неизвестно, но с нами он точно не умрет с голодухи или от скуки.

Я, Малабонита, Сенатор и даже Физз были этому только рады. За время наших странствий с Сандаваргом мы съели на пару не один пуд соли. И так привыкли к его шумному присутствию на борту, к его рывканью, брани, топоту и бряцанью оружием, что без северянина ощутили бы себя совершенно незащитными. Возможно, в глубине души Убби тоже не хотел покидать «Гольфстрим», где его давно считали не только деловым партнером, но и другом. Но он был чужд сентиментальности и все равно не признался бы в этом.

Радость, с какой мы вернулись к любимому делу, была омрачена тем, что мы наблюдали, разъезжая по южной Атлантике. Мир возрождался и избавлялся от нашей выстроенной при Вседержителях цивилизации, словно проклюнувшийся росток — от сухой кожуры своего семечка. Всяк выживал, как умел. В незатопленных водой и вулканической лавой городах еще поддерживался порядок, но законы там сильно ужесточились. Отныне не считалось зазорным вешать даже малолетних карманников, поскольку содержать их в тюрьме было слишком накладно. А на грабителей и убийц

не тратили даже веревку — им просто рубили головы, зачистую без суда и следствия. Люди, считающие ужесточение законов беспределом властей, бежали в ужасе прочь из своих городов. И скитались по свету, наивно полагая, что где-то еще есть островки прошлой жизни, не затронутые хаосом и массовой истерией. Само собой, что искать такие заповедные места было столь же глупо, как и нащупывать пальцем на раскаленной сковороде холодный участок. Но люди продолжали верить в чудеса до тех пор, пока банды грабителей и мародеров не начинали вырезать их вместе с семьями и домашним скотом. И не счесть, сколько раз мы натыкались в хамаде на останки подобных бедолаг — искателей лучшей жизни.

Эпоха Метафламма и Иностали сменялась эпохой Беззакония и Психоза, и именно они, а не огонь и вода, губили сегодня большинство человеческих жизней.

Приходящие отовсюду новости не утешали. Хуже всего обстояли дела на Юге. Государство Владычицы Льдов, какое она тщетно пыталась сохранить на северном берегу Фолклендского разлома, рассыпалось в прах. Воды в мире стало навалом, и в танкерах-водовозах отпала всякая надобность. Да эти неповоротливые махины и не добрались бы сегодня до большинства городов. Некогда самые широкие и ровные в мире дороги — гидромагистралы, — теперь исчезли, размытые и затопленные водой и лавой.

Торговая империя Владычицы разорилась за считанные

месяцы, а вскоре разбежались и все ее подданные. Вода перла из-под земли отовсюду, южане испугались, что однажды их попросту смоев в Фолклендский разлом, и начали поспешно мигрировать на Север.

Паника охватила даже механизированную армию адмирала Чарльза Дирбонта. После гибели Кавалькады армада Дирбонта стала главной опорой власти королевы Юга. Но и эта опора в итоге рухнула. Видя, что крах неизбежен, капитаны армады и их экипажи начали дезертировать. И чем дальше, тем больше, пока в итоге Атлантика не заговорила и о ней в прошедшем времени.

Разумеется, все дезертиры бежали не пешком, а на своих бронекатах. Нам доводилось сталкиваться с подобными отщепенцами. Сегодня они еще пытались выживать честно, занявшись торговлей и перевозками. Однако отсутствие у бывших военнослужащих коммерческой хватки не оставляло сомнений в том, что рано или поздно они встанут на путь легкого обогащения: пиратства. И уже при следующей встрече с кем-нибудь из них мы, возможно, не разойдемся полюбовно, а вступим в смертельную схватку.

Много слухов ходило о том, что стало с самой Владычицей Льдов. Одни сплетники утверждали, что она погибла, другие — что осталась у Фолклендского разлома с горсткой преданных слуг, третьи — что подалась вслед за своими бывшими подданными на Север. Лишь одно было известно точно: эта некогда влиятельная женщина лишилась всего своего могу-

щества и богатства. И вряд ли теперь кто-то из ее бывших сторонников или деловых партнеров окажет ей королевский прием. Повезет, если ее впустят на порог и угостят краюхой хлеба. Ничего удивительного, беря во внимание, сколько лет Юг держал Атлантику за горло железной диктаторской хваткой.

Не сказать, чтобы нас сильно беспокоила судьба Владычицы Льдов. Особенно после всего того, что мы от нее натерпелись. Но мы не упускали случая расспросить о ней везде, где только бывали. И не просто из любопытства. До нас доходили известия, что королева Юга ждет ребенка — будущего наследника или наследницу своего рухнувшего трона. Вот за ее еще не родившегося малыша мы и беспокоились. Почему? Да потому, что этот ребенок для нас — особенный, ведь его отцом являлся не кто иной, как Дарио Тамбурины.

Перед тем как шагнуть в бездну — и заодно в историю, — Дарио посчастливилось побыть королевским фаворитом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Владычица твердо решила зачать наследницу именно от него, и мы ее прекрасно понимали. Дарио был молод, умен, решителен и полон энергии, хотя и не лишен сумасбродства. Он обладал всеми качествами, какими пристало обладать правителю. Возможно, со временем он даже сменил бы отца на посту главы ордена Табуитов, если бы все не обернулось так трагично и для обоих Тамбурины, и для их ордена...

Ирония судьбы в наиболее жестоком ее проявлении. Да-

рио переплюнул самого Прометея, подарив миру заново не только огонь, но и воду. Дарио отдал свою жизнь ради будущего человечества, однако обрек на тяжкие лишения собственное еще не родившееся дитя, его мать и нас — своих единственных друзей. Но, несмотря на это, мы наполнили кружки пивом и помянули нашего друга. Пока лишь добрым словом, но я не терял надежды, что в будущем мы соорудим ему где-нибудь достойный памятник.

— За Дарио — самого умного и настырного сукиного сына на этой чертовой планете! — провозгласила Малабонита, без которой мы вряд ли вспомнили бы о сегодняшней круглой дате.

— За мсье Тамбурины-младшего! За все его научные открытия и подвиги, какие мечтал бы совершить ваш покорный слуга, будь я лет на десять моложе! *Paix a ses cendres!* — молвил де Бодье и, растрогавшись собственными словами, прослезился.

— За самого великого и храброго табуита, какого я только знал! И загрызи того пес, кто считает иначе! Мое слово! — пророкотал Сандаварг перед тем, как осушить до дна свою огромную кружку.

— Тарио тать Фисс охонь! Фисс тепло! Нет солнсе, нет охонь — херьмо! Нет солнсе, есть охонь — хорошо! Тарио — хороший щелофек! Тарио уфашать Фисс! Фисс уфашать Тарио! — прошипел Физз. Пиво он, естественно, не пил, но не упустил случая высказать свое «аф-фторитетное» мнение.

— За нового бога огня, которого мы прекрасно знали и которого никогда не забудем! Спасибо ему за все и за это пиво в частности! — подытожил я и тоже припал к своей кружке. Мы не знали, каким должно быть на вкус настоящее пиво. Но то, которое начинающие пивовары Атлантики готовили по сохранившимся древним рецептам на кипяченой воде, хоть и кислило, в целом пилось хорошо.

Подобно Убби, я тоже собрался опорожнить свою кружку залпом, благо она была меньше того полуведерного горшка, из какого хлебал пиво северянин. Однако едва я сделал пару глотков, как меня прервали.

Физз — это он отвлек своего шкипера от выпивки — никогда не поднимал шум понапрасну. С таким острым чутьем, как у него, нельзя ошибиться в принципе. И если варан обнаружил поблизости что-то подозрительное, мы не могли оставить его сигналы без внимания.

— Сфистать всех на палупу! Фрах на хорисонте! — бил тревогу ящер, повернувшись мордой в сторону вероятной угрозы и перемежая свои выкрики обычным шипением. — Орутия х пою! Полный фперет!..

Никто, само собой, не бросился сломя голову исполнять приказы говорящей рептилии, ведь не она здесь командовала. К тому же Физз имел привычку преувеличивать угрозу, заведомо считая врагами всех незнакомцев, желавших пообщаться с нами в хамаде. Но кое в чем он был прав: осторожность для перевозчика превыше всего. А тем более в нынеш-

ние смутные времена.

Еще не разглядев, кто решил нанести нам визит, я велел товарищам срочно возвращаться на «Гольфстрим». Долорес сгребла в узел скатерть с продуктами и посудой, Гуго подобрал недопитый пивной бочонок, а Убби взял на руки Физза, поскольку возбужденный ящер не реагировал на команды. Все действовали привычно, без суеты, и спустя полминуты уже находились на истребителе, а я, дернув рычаг лебедки, поднимал за нами трап.

Влезать на марсовую мачту, какую мы отломали в Суэцком проходе и построили заново в том же Аркис-Жанейро, не потребовалось. Когда я взбежал на мостик, а Малабонита и Сандаварг взвели баллестирады, неожиданные гости были уже близко.

До темноты оставалась примерно пара часов, и мы могли рассмотреть визитеров еще на подходе. Их была дюжина: семь взрослых мужчин, два рослых юноши и три крепкие женщины, самой старшей из которых было за сорок, а младшей — двадцать с небольшим. Если это была одна семья, в ней не хватало стариков и детей, но их отсутствие меня не насторожило. Вряд ли мирные скитальцы, заметив вдали бронекат, отправились бы на переговоры со шкипером всем семейством. Хотя отряд из двенадцати переговорщиков тоже выглядел подозрительно. Но это по меркам прежнего мира, а в нынешнем бардаке мы и не такое видали. Если эти ребята уже обожглись разок-другой на случайных знакомствах, они

вели себя вполне естественно.

Еще до того, как их вожак выступил вперед и заговорил с нами, мы уже сообразили, кто они такие и куда направляются. Это стало ясно по их одинаковым серым накидкам, одетым поверх обычной одежды. Покрой накидок был не совсем обычным. В них имелись прорези, куда просовывалась голова, а чтобы их длинные полы не болтались на ветру, эти одеяния были перехвачены на талиях поясами. Благодаря своим накидкам скитальцы чем-то напоминали рыцарей-крестоносцев, каких я видел на картинках в одной древней книге. Разве что крестоносцы носили вдобавок железные доспехи и не принимали в свою компанию женщин.

Все накидки имели одинаковые рисунки. На груди у каждого нашего гостя красовалась нарисованная красной краской чаша с крыльями — символ церкви Шестой Чаши, чьи многочисленные последователи молятся Септету Ангелов и их главе — Метатрону. Сами адепты этой религии — приемники старых европейских религий — называют себя септианами, или ангелопоклонниками. И обожают совершать паломничества в свой священный город — Аркис-Грандбоул, он же Великая Чаша. Вот только подобные накидки паломники стали носить недавно, заменив ими свои привычные мешковатые балахоны.

Причины этой перемены мы еще не выяснили — не подворачивалось удобного случая. Но это была не первая группа «переодевшихся» паломников, попавшаяся нам на пути.

Правда, раньше они не вступали с нами в переговоры. Да и мы, помня нашу вражду с Церковью, не искали с ними встречи. Побайвались — а вдруг они опознают в нас тех мерзавцев, что унизили в прошлом году перед многотысячной толпой самого первосвященника Нуньеса, когда тот хотел казнить нашего друга Гуго.

От разговора с этой семейкой нам было уже не отвертеться, и я решил не выдавать ей свое настоящее имя. А если вдруг кому-то покажется подозрительным название нашего бронеката — тоже совру что-нибудь, ведь я в этом деле большой специалист.

Паломники подступили к «Гольфстриму» достаточно близко, и я разглядел, что еще, помимо крылатой чаши, изображено у них на накидках. Под чашей красовался рисунок странного корабля — или, скорее, деревянного пакгауза, сооруженного на старинной деревянной лодке, — а под кораблем была начертана надпись: «Строитель Ковчега». Чуть позже выяснилось, что на спинах гостей имеются точно такие же рисунки, и я понадеялся, что, возможно, наконец-то выведаю, что они символизируют.

— Добрый вечер, господа! — поприветствовал я септиан, прежде чем кто-либо из них открыл рот. — Меня зовут Яцек Вражек, я — шкипер этой посуды. Чем могу служить?

Жаль, нельзя было для полной конспирации выдать и себя за септианина. Во-первых, у меня на запястьях не было въевшихся в кожу пятнышек-стигм — следов от помазания

кровью священных нетопырей. А во-вторых, шкипер, молящийся Метатрону, непременно разукрасил бы свой бронекат религиозной символикой, тогда как на бортах «Гольфстрима» не было ничего и близко похожего.

— И вам добрый вечер, многоуважаемые перевозчики! — отозвался выступивший вперед пожилой ангелопоклонник — бородач с одутловатым лицом и болезненно выпученными глазами. — Мы — строители Ковчега, и те немногие Стервятники, кто уцелел после падения Счастливого Столпа.

— Что ж, в таком случае скорблю вместе с вами, — посочувствовал я «счастливым». — Я знал вашего куратора, Голопузого Чжэня, и кое-кого из его приближенных... Так что же вам угодно, господа строители? Только сразу предупреждаю: мы не едем в Аркис-Грандбоул и не можем вас туда подбросить.

— Понимаем и не настаиваем, — кивнул староста. — Да нам и нечем заплатить вам за такую работу. Нет, мы пришли сюда с другой просьбой. В деревушке, что расположена к юго-западу отсюда, нам сказали, что если мы пойдем этой дорогой, то скоро встретим перевозчиков, которые помогут нам пересечь Проклятые воды. Эти перевозчики — вы, или где-то здесь есть еще одна переправа?

— Видимо, это мы, — признался я. — Соседний брод, насколько нам известно, находится в четырех днях пути на восток. Вам известна наша цена? В деревне, откуда вы при-

шли, о ней тоже знают.

Плюющаяся гейзерами, широкая новорожденная река, на берегу которой мы сейчас торчали, перерезала бывшую восточную гидромагистраль. Это сильно осложнило жизнь всем движущимся на Север конным и пешим странникам. Отныне им приходилось делать огромный крюк, обходя озеро, в какое впадала река, и терять на этом около двух недель.

Прибыв в здешние края, мы быстро сориентировались и нашли себе хороший источник дохода. Отыскав неглубокое место, где вода была относительно прозрачной, мы промерили брод, опробовали на прочность дно и остались довольны. После чего объехали окрестные селения, пустили о себе слухи и приступили к работе. Трехсоттонному «Гольфстриму» было не страшно любое течение. А глубина самого опасного участка переправы не превышала трех метров, от чего вода лишь подмачивала нам днище и только.

Бизнес шел в гору, пока где-то ниже по течению у нас не объявился конкурент. Он работал на танкере-водовозе и преодолевал реку в довольно глубоком, зато более привлекательном для путешественников месте. Вдобавок брал на борт многократно больше груза и мог перевезти за один рейс целый торговый караван. Неудивительно, что вскоре наши доходы упали. Вот мы и стали подумывать о том, а не перебраться ли нам севернее и попытать счастья на реках близ гор Сьерра-Леоне или на Гамбийской равнине...

— Ваша цена нам известна, да только вот... — Бородач

замаялся и оглянулся на собратьев. — Нам сказали, что вы берете лишь продукты и ценные вещи, а у нас и тех, и других кот наплакал... Зато у нас есть лекарь! Очень толковый! И у него, возможно, найдутся снадобья, которые вас заинтересуют.

— Большое спасибо, но лекарств у нас хватает. Да и в медицине кое-кто из нас тоже разбирается, — ответил я. Просто замечательно, что септианам нечем нам заплатить. Теперь мне не нужно изощряться, выдумывая повод, чтобы отказать паломникам, впускать которых на борт мне не хотелось по уже упомянутым выше причинам. — Сожалею, но вы зря потратили время, направившись к нам, а не на восток. Возможно, те перевозчики окажутся более сговорчивыми, чем мы. А у нас правило простое: если вам нечего нам предложить, никто никуда не едет! Извините, благотворительностью не занимаемся.

— погоди, не гони! — перебил меня пристроившийся у баллестирады Сандаварг. — Раз уж вы, слизняки, боитесь выдрать мне зуб, может, лекарь паломников за это возьмется? К тому же мы все равно сваливаем на север, верно? А значит, нам так и так придется переезжать на другой берег. Какая разница, сделаем мы это завтра или сегодня вечером. Так давай поможем напоследок богомольцам, если, конечно, они помогут мне. Ну а не помогут, поступай, как знаешь — тогда мне тоже на них начхать...

Разболевшийся накануне у Убби зуб оказался не тем ис-

пытанием, какое он был готов вытерпеть, как терпел боль своих боевых ран. Однако все попытки северянина решить проблему самостоятельно потерпели неудачу. Предательский зуб, как назло, оказался крайним, да к тому же наполовину развалившимся. Сколько ни тщился страдалец подцепить его своими короткими грубыми пальцами, Убби это никак не удавалось.

Я и Гуго были ему не помощники. Вырвать передний зуб я еще смог бы, но не более. Де Бодье, чьи мозолистые руки дергали рычаги и крутили гайки, тоже наотрез отказался совать Убби в рот пассатижи. От такого предложения Сенатор в ужасе побледнел и залепетал что-то про царящую в моторном отсеке антисанитарию. Долорес оказалась самой отважной из нас. Она все-таки заглянула северянину в пасть и даже немного там покопалась. Однако, задев невзначай какой-то нерв, Малабонита заставила челюсти пациента резко захлопнуться. И если бы не ее отменная реакция, она точно лишилась бы пальца или двух. После чего ей тоже сразу расхотелось испытывать судьбу. Да, Долорес мечтала в детстве стать дрессировщицей львов в цирке, но те времена давно прошли, и сегодня у нее такого желания уже не было.

Убби, конечно, крепился и сохранял невозмутимую мину, но не мог полностью скрыть терзающую его зубную боль. Поэтому я пошел ему навстречу и согласился договориться с паломниками на его условиях. В конце концов, здоровье северянина, да и любого из нас — не то, на чем нам следует

экономить.

Мое встречное предложение строители неведомого мне Ковчега приняли на ура. Они уже было отчаялись, но Ангелы ответили на их мольбы и наставили нас, скупердяев, на праведный путь. Даже если паломничий лекарь соврал, что он передергал за свою жизнь сотни зубов, а на самом деле не выдернул ни одного, он явно был готов научиться этому прямо сейчас, лишь бы мы не передумали. К счастью, он нас не обманул. В чем мы убедились, когда эскулап извлек из вещмешка набор зубо врачебных инструментов. В итоге все остались довольны, и мы ударили по рукам. А пока паломники ходили за припрятанными неподалеку вещами (их стерегла пожилая семейная пара, и всего в этой компании насчитывалось четырнадцать человек), я с командой подготовил «Гольфстрим» к его последней переправе через эту реку.

Путь через брод на малой скорости занимал около двадцати минут. Гнать быстрее было рискованно — я могу не успеть остановить бронекат, если вдруг поток приготовит на нашем пути ловушку. Но прежде чем мы тронулись с места, Убби потребовал, чтобы клиенты выполнили свою часть сделки.

— Мне — обезболивающее?! — прорычал северянин, когда лекарь предложил ему выпить перед операцией анестезирующую микстуру. — Загрызи тебя пес, потом сожри, выблюй и снова сожри! Не хочешь ли ты сказать, ученая твоя башка, что Убби Сандаварг боится боли?!

«Ученой башке» пришлось поспешно оправдываться, что у него и в мыслях не было ничего подобного. Впрочем, Убби предпочел не доводить дело до ссоры, простив доктору его необдуманные слова. Доктор же замялся и, сделав вид, что отлучился за инструментом, сам тем временем подошел ко мне и виновато попросил:

— Мне крайне неловко беспокоить вас по мелочам, господин шкипер, но э-э-э... Не могли бы вы уговорить вашего друга хотя бы прополоскать рот дезинфицирующим раствором, а после операции позволить мне обработать рану заживляющей мазью? Я, конечно, могу обойтись и без этого, но, сами понимаете — хамада есть хамада. Стерильность здесь отвратительная, да и вряд ли вам понравится, если ваш друг будет потом три дня плевать кровью.

Я не был ярым поборником чистоты, но ходить по заплесневшей кровью палубе мне не хотелось. Пришлось согласиться с врачом и идти на поклон к его свирепому пациенту. Благо насчет промывки и обработки ран Сандаварг не возражал, поскольку это уже никак не задевало его достоинство. И когда эскулап подступил к нему с флаконом антисептика в одной руке и щипцами в другой, гордец покорно разинул перед ним рот. А также позволил помощникам лекаря удерживать себя за руки и за ноги, дабы ненароком не осерчать от боли и не захватить ему по уху.

Я, Малабонита и Гуго, затаив дыхание, следили за ними и в первую очередь желали удачи септианам, а не больному.

Ведь стоит лишь лекарю оплошать, осерчавший Убби раскидает его и его ассистентов, как щенков. Прежде чем мы выпустили их на палубу, я приказал им сложить все мечи, ножи и арбалеты в железный ящик и запер тот на замок. Такие уж времена. Когда заключаешь случайный контракт, не грех перестраховаться. Северянину, конечно, такие порядки не нравились, и он считал их проявлением малодушия. Но людей, которые добровольно сдают оружие по приказу малодушного шкипера, Сандаварг презирал еще больше, поэтому и не протестовал.

Не стал он протестовать и после знакомства с зубоврачебными щипцами. Наоборот, остался доволен тем, что септианин разрешил его проблему за считанные секунды. Не успел Убби и глазом моргнуть, а лекарь уже протягивал ему выдернутый зуб, предлагая убедиться, что тот удален чисто — целиком и вместе с корнем. Пациент довольно крикнул, сплюнул кровь и позволил спасителю довести дело до конца: промыть рану и заткнуть ее тампоном с целебной мазью. А потом, уважительно кивая, еще долго хлопал строителей Ковчега по плечам, хотя обычно не испытывал симпатии к ангелопоклонникам.

«Гольфстрим» выехал на переправу, когда начало смеркаться. Я зажег в рубке факел. Малабонита, забравшись на марс, сделала то же самое. Увидев, как непринужденно мы обходимся с огнем, клиенты и их староста — его звали Гатри — нахмурились и начали с опаской переглядываться. Ста-

ло понятно, что закаменелые в своих убеждениях септиане не одобряют наши смелые прогрессивные взгляды. Но Гатри сотоварищи уже наверняка сталкивались на своем пути с подобными нам нечестивцами, поэтому наша дерзость повергла паломников не в шок, а лишь в глухое раздражение. Которое меня, честно говоря, не волновало. Главное, чтобы они не нарушали запрет и не покидали носовой палубы. А дабы кто-нибудь из них не ослушался, между ними и капитанским мостиком расположился Убби. И не один, а со своими иностальными братьями Ярнклотом и Ярнскидом. Он не брал в руки пудовый кистень и щит, но положил их на виду, у мачты, где мог быстро схватить их и пустить в ход.

Я сделал лишь одно исключение — попросил старосту гостей подняться ко мне в рубку. В иных обстоятельствах я не стал бы болтать с религиозным фанатиком, если бы он сам этого не пожелал. Но сегодня мне не терпелось разузнать, почему паломники сменили свои балахоны на странные накладки и что за Ковчег они разыскивают.

Перемена климата, влажность, недостаток солнечного света и тяготы жизни плохо отражались на здоровье пожилого Гатри. С его лица не сходили бледность и испарина, передвигался он, волоча ноги, и дышал при этом так, будто все время взбирался на высокую гору. Но, как и у всех фанатиков, в его выпученных глазах по-прежнему бегали искорки одержимости. А также искорки факела, что я зажег в рубке. Староста угрюмо покосился на него и отошел от огня по-

дальше, не сказав ни слова. В нашем присутствии он воздерживался от проповедей и вообще не повышал голос, общаясь с сородичами. И все же было заметно, с каким трудом он сохраняет спокойствие, будучи вынужденным заключить сделку с неверными вроде нас.

Я учтиво предложил Гатри присесть в шкиперское кресло, но он отказался и предпочел стоять на ногах, держась за поручень.

— Надеюсь, вы не сочтете меня невежливым, мистер Гатри, если я задам вам парочку вопросов? — с ходу перешел я к делу. — Просто я и мои люди долго колесили по задворкам Атлантики, сильно отстали от жизни, и все новости мы узнаем теперь только от наших пассажиров.

— Ну... м — м -м... кхм... Спрашивайте, чего уж там, — побряхтев для солидности, буркнул ангелопоклонник. Ему не хотелось говорить со мной, поэтому он глядел не на меня, а на противоположный берег реки. А также на своих людей. Они расположились на носовой палубе и в свою очередь посматривали то на нас, то в бойницы, то на стоящего у мачты Сандаварга.

— Тот Ковчег, который вы строите, — продолжал я. — Возможно, вас это удивит, но нам ничего о нем не известно. Вы можете просветить меня в этом вопросе, или мне, неверному, не положено знать о таких вещах?

— До вас, дремучих огнепоклонников, следует доносить истину в первую очередь, так как вы нуждаетесь в спасении

гораздо больше нас, — с важным видом изрек Гатри. — Однако не думаю, что вы станете слушать мои проповеди, поэтому скажу кратко: Ковчег — это новая колыбель человечества, откуда оно выйдет на сушу после грядущего вскоре Нового потопа. И если хотя бы одному из нас... — Он указал на собратьев. — Если хотя бы одному из нас посчастливится попасть на Ковчег, значит, все жертвы, какие мы понесли по пути в Великую Чашу, окажутся не напрасны!

— Понятно, — рассудил я, хотя ничего понятного пока не услышал. — Значит, Ковчег — это корабль, на борт которого возьмут не каждого ангелопоклонника, а лишь тех, кто будет избран церковью и Септетом.

— Ковчег — не просто корабль! — сверкнув глазами, поправил меня бородач. — Ковчег — это само спасение, сотворенное руками человека и освященное ангельским светом! Ничего подобного человечество еще не создавало! Плавающий город из десятков кораблей! Самых лучших и крепких из тех, что сохранились в западной Атлантике и какие можно отбуксировать в Аркис-Грандбоул! Корабли чинятся, освящаются и сцепляются друг с другом, ибо только в единстве кроется истинная сила септиан!..

«Гольфстрим» тем временем съехал с берега и покатил через брод, рассекая воду не хуже настоящего корабля. Раздавшийся отовсюду шум и залетающие в бойницы брызги напугали паломников, которые тут же вскочили на ноги и начали тревожно озираться. Но невозмутимость Сандаварга, для

которого эта переправа была не первой и даже не двадцатой, успокоила пассажиров. Поняв, что все в порядке, они расселись обратно на свои вещмешки и котомки и продолжили свой разговор.

— Полностью согласен с вами, мистер Гатри... — Я решил поддакивать «проповеднику», полагая, что это лучше развяжет ему язык. Однако переигрывать тоже не следовало. Он был религиозен до мозга костей, но отнюдь не глуп, и живо раскусит в моем голосе фальшь. — Только я не совсем понимаю, почему ангелопоклонники не могут спастись в единстве, но на разных, не сцепленных между собой кораблях?

— Первосвященнику Нуньесу было видение, в котором Метатрон показал ему чудовищные шторма, что станут бушевать на Земле во дни Нового потопа, — пояснил староста. — О, это воистину ужасно! Представьте себе волны высотой с гору и ураганные ветра, что шутя перевернули бы ваш бронекат, шкипер Вражек, если бы для него осталось место в этом чистилище... Но если мы превратим Ковчег в плавучий рукотворный остров, ему никакие бури будут не страшны! И когда однажды ангелы разгонят тучи, озарят Землю солнцем и прикажут морю вынести нас на сушу, мы встретим зарю нового мира не разбросанные штормом по океану, а единой семьей! И вознесем нашу благодарственную молитву не поодиночке, а хором! Именно так, как и возносили ее в свое время Ной с сыновьями!

— Прикажут морю? — недоуменно переспросил я. — То есть, я так понимаю, что на Ковчеге нет ни моторов, ни винтов, ни парусов, ни даже весел? И вы всерьез намерены дрейфовать по океану до тех пор, пока вас не прибьет к какой-нибудь суше?

— Ваше невежество простительно, — великодушно заметил ангелопоклонник. — Да, все будет именно так, как когда-то было заведено богом Ною. Все перечисленное вами на Ковчеге неуместно, ибо оно свидетельствовало бы о нашем неверии Септету. Отказавшись от этих механизмов, без которых вы, нечестивцы, ни за что бы не обошлись, мы полностью отдаем себя на милость Ангелов и показываем силу нашей нескгибаемой веры. А вам в судный час останется лишь хвататься за соломинки и проклинать судьбу за то, что вы выбрали этот ошибочный гибельный путь.

— Значит, вы направляетесь в Великую Чашу, чтобы принять участие в сооружении этого плавучего острова, — заключил я. — Но почему вы сомневаетесь, что вам не хватит на нем места?

— На строительстве Ковчеха работает так много наших братьев и сестер, что совершенно очевидно: он слишком мал, чтобы вместить нас всех. К тому же не забывайте: заветы предписывают, чтобы на кораблях осталось место и для божьих тварей. Их сейчас как раз отлавливают парами по всему свету. Ну а кому из нас посчастливится пережить потоп, решит священный жребий.

— В смысле, церковная лотерея?

— Можете называть его лотереей, как вам угодно. Но жребий — самый справедливый способ определить, кто есть истинный праведник, а кто недостойн стоять у истоков нового мира. Вот почему мы называем себя строителями. Все мы не только строим Ковчег, но и прокладываем себе путь к нему на борт. У каждого из нас этот путь свой, и завершится он по-разному. Но наши дороги идут параллельно и в одном направлении. Поэтому мы решили объединить усилия, побратски поддержав друг друга по дороге к нашей общей цели.

— А что, если Новый потоп все-таки не состоится? — Я не доверял септианским пророчествам. А особенно когда они исходили из уст такого прохвоста и лицемера, как первосвященник Нуньес.

— Что значит «не состоится»? — Гатри посмотрел на меня с осуждением, словно я признался ему в тяжком и непростительном грехе. — Новый потоп уже начался! Разве все это... — Он обвел рукой бурлящую вокруг нас реку. — Разве все это не служит ярчайшим свидетельством моей правоты? Надо быть слепым, шкипер Вражек, чтобы не замечать столь очевидные вещи!

— Огонь и вода возвращаются на землю, но ведь не факт, что дело закончится потопом, — попытался возразить я. — Океаны разольются в прежних границах, но что нам мешает уйти обратно на материки? Почему из всех прогнозов

нашего ближайшего будущего вы выбираете самый невероятный?

— Ерьсь! — категорически отрезал септианин, не заступая, однако, за рамки приличий. — Вам, огнепоклонникам, неведома истина, ибо вы отказываетесь видеть дальше собственного носа! Хорошо, если за вашими играми с огнем лежит простая глупость и наивность. Но горе вам, если это не так! Огонь, каким вы все прельстились и какой пытаетесь укротить, нечист! Он — последнее искушение человека Багряным Зверем! Зверь почуял великое очищение — потоп, — почуял свою агонию и стремится напоследок сбить с праведного пути как можно больше честных людей! Багряный Зверь бьется в слепой злобе и изрыгает огонь из самой преисподней! А вы, наивные дети, радуетесь этому огню, греетесь возле него, готовите на нем пищу, освещаете им себе путь! Иными словами, грешите напропалую, не зная, что огонь очистится лишь тогда, когда Землю омоют священные воды потопа! И никак не раньше! Лишь на чистой земле может загореться чистый огонь! Огонь, в котором может сгореть ваше тело, но не бессмертная душа! А пока Земля покрыта толстым слоем грязи и обломками трона Багряного Зверя — Столпами, — его огненная отрыжка медленно сжигает ваши души, оставляя в неприкосновенности тела. Тела, такие же грязные, как весь нынешний мир и сам огонь! Тела, какие скоро растворятся в мировом океане подобно тому, как вот эта река растворяет в себе грязь и вулканический

пепел... Впрочем, у вас еще есть шанс спасти свои души. Вполне реальный шанс, какой представился вам, возможно, в первый и последний раз!..

— Вы заблуждаетесь, мистер Гатри, если думаете, что ваша проповедь заставит меня последовать за вами на строительство Ковчега, — тактично перебил я вошедшего в раж ангелопоклонника. — Я уважаю вашу веру, ваши убеждения, и даже в какой-то степени завидую вашей нестигаемой целеустремленности. И все же ни я, ни мои люди не сунемся на ваш Ковчег, даже если свершится чудо и нам выпишут туда пригласительные билеты. Просто нам с вами не по пути, и вы это прекрасно осознаете...

— О нет, шкипер Вражек, это не я, а вы сейчас заблуждаетесь! — усмехнулся староста, и его самоуверенный тон мне не понравился. — Вам придется поехать с нами, хотите вы того или нет. Такова воля Септета, а мы лишь ее покорные исполнители.

Я хотел поинтересоваться у паломника, как же он намерен подкрепить свои слова делом, но тут стряслось такое, что все вопросы к нему мигом отпали.

Убби, что стоял сейчас, опершись на мачту и склонив голову, словно собираясь блевать, вдруг пошатнулся, отпрянул от опоры и, что-то громко прорычав, рухнул на колени. Потом судорожным рывком попытался схватить кистень, но не дотянулся до него, а окончательно утратил равновесие и распластался ниц. Затем опять зарычал и попытался встать, да

все без толку. Силы северянина таяли с каждой секундой. И вот он лишь беспомощно дергает руками и ногами, но у него не получается даже ползти, не говоря об остальном...

А в следующий момент мне в кадык уперлось что-то острое, и голос Гатри, незаметно зашедшего мне за спину, пока я таращился на Убби, повторил:

— Вам придется поехать с нами, шкипер Вражек!.. Или мне все-таки называть вас настоящим именем, шкипер Проньра Третий? Неужто вы решили, что мы забудем о ваших злодеяниях? И не надейтесь! Даже накануне потопа мы помним о том, что вы устроили в Аркис-Грандбоуле год назад! О том, как вы публично унизили Его ангелоподобие, и о слугах Багряного Зверя, каких вы натравили на Великую Чашу! Теперь готовьтесь: настал ваш черед платить по счетам! И только попробуйте послушаться моих приказов — пущу вам кровь не задумываясь!

И, продолжая угрожать мне ножом, свистнул своим людям так пронзительно, что у меня заложило ухо...

Глава 2

Если спустя полминуты после того, как вам приставили клинок к горлу, вы еще живы, значит, скорее всего, вас хотят лишь припугнуть, а не убить.

Впрочем, это и так было очевидно. Имейся среди паломников человек, способный управлять бронекатом, Гатри пустил бы меня в расход, не размениваясь на болтовню и угрозы. А вот Убби для пиратов такую ценность не представлял, и сейчас я не дал бы за его жизнь и ломаного гроша.

— Что вы сделали с северянином? — гневно спросил я у двуличного ангелопоклонника.

— Не беспокойся, — отозвался тот, переходя на ты. — Брат Панфил — честный септианин и не нарушает клятвы Гиппократы. Твой краснокожий друг получил дозу снотворного и просто уснул. А вот проснется он или нет, зависит только от тебя!.. А ну не вертись и держи руки на штурвале так, чтобы я их видел!

— Ах вы, сукины дети! — раздался с марса встревоженный окрик Малабониты. — Назад! Назад, кому говорят!.. *Caramba!.. Mio Sol! Mio Sol*, ты жив?!

— Жив! — откликнулся я, благо Гатри не затыкал мне рот. — Сандаварг — тоже! Спокойно, Моя Радость, не дергайся! Сейчас я все улажу!

— Точно?! Ты уверен?! — переспросила Долорес. Она не

видела с марса то, что творилось в рубке, зато прекрасно видела все остальное. Подскочив по свисту старосты со своих мест, строители Ковчег разделились на группы и разбежались по палубе. Похоже, они заранее распределили обязанности, кто за что отвечает при захвате «Гольфстрима». Даже женщины, и те рванули помогать мужчинам.

— Абсолютно уверен! — обнадежил я Малабониту. — Смотри, не натвори глупостей! Слушайся только меня, договорились!

— Ладно, как скажешь! — не стала она перечить. — И ты тоже смотри там, поаккуратней! Не нарывайся почему зря!

Хотелось бы последовать ее благоразумному совету. Но еще больше мне хотелось сохранить свою власть на «Гольфстриме». А ради этого хочешь не хочешь придется пойти на риск.

Если бы я не пригласил Гатри в рубку, пираты приступили бы к захвату сразу, как только на Сандаварга подействовало снотворное. Застав врасплох не только охранника, но и шкипера, паломники сочли, что им несказанно подфартило. Так оно и было, но успех еще требовалось закрепить. И вот здесь я намеревался сунуть врагу в колеса несколько палок. Тем более что всегда держал их наготове, ведь только дураки в нашей работе забывают застраховаться от обмана со стороны клиента.

— Ты что, намерен торчать у меня за спиной до самого Аркис-Грандбоула? — осведомился я у старосты, продолжая

держатъ руки на виду.

— Если понадобится — так и поступлю! — заверил он меня. — Будешь гадить у меня в штаны и жрать, не сходя с места! Будешь не спать сутками, но не сдвинешься отсюда ни на шаг, пока я тебе не разрешу, мерзкий огнепоклонник!

— Тогда давай, разрешай мне это, потому что, если через минуту я не отверну в сторону, мы съедем с брода и утонем!

Бородач обеспокоенно выглянул у меня из-за плеча и всмотрелся в бурлящую реку. Да только что он мог там увидеть? Мутная, пенистая вода не позволяла ему определить, говорю я правду или блефую.

Решив все же поверить мне, Гатри ослабил хватку, но не до конца. И, продолжая держать нож у меня под подбородком, распорядился:

— Ладно, давай рули! Но если выкинешь какой-нибудь фортель, пеняй на себя!

Пока он колебался, его единовѣрцы уже вовсю хозяйничали на палубе. И наткнулись на первые неприятные сюрпризы. Они не причинили пиратам вреда, но план ублюдков тут же начал давать осечки.

Пятерка паломников, что рванула в моторный отсек, была немало раздосадована, когда выяснилось: тот запѣрт изнутри и взломать его бронированную дверь невозможно. Засевшие там Гуго и Физз имели четкий приказ не впускать посторонних. Враг мог ломиться в дверь хоть до своего Нового потопа и стращать механика какой угодно карой. Ему и

ящери было начхать на угрозы, а других путей проникнуть в их «цитадель» не существовало.

Вторая неприятность, что постигла захватчиков, — бездействующие «Эстанты». Радостно подскочив к баллестирадам, паломники развернули их на сто восемьдесят градусов, решив взять нас на прицел наших же орудий. Однако не тут-то было! Все они оказались разряжены, а зарядить их не представлялось возможности — Гуго заранее отключил привод, что управлял взводными механизмами баллестирад. Ввести же их вручную можно было лишь с помощью тяжелых воротов, какие я, само собой, тоже заблаговременно припрятал.

Ключ от ящика, куда мы заперли оружие паломников, был передан мной Сенатору у них на виду, после чего тот скрылся у себя в отсеке. Поэтому двое пиратов вознамерились просто сбить замок с нашего импровизированного сейфа. Правда, с инструментами у них было туго, но они не растерялись и воспользовались оружием Убби. Размахивать пудовым кистенем септианам было не с руки — щит больше подходил для этой работы. Взяв его за боковые грани, взломщики принялись долбить по замку его нижним краем. И если бы не мое вмешательство, боюсь, через минуту-другую замок не выдержал бы и поддался.

Я соврал, когда сказал, что должен срочно подкорректировать курс. Вернее, мне требовалось его подкорректировать, только с иной целью. Продолжай мы двигаться прямо, с

нами ничего бы не случилось. А вот легкое отклонение влево направило «Гольфстрим» точно на неглубокую вымоину.

Мы обнаружили ее еще во время первых переправ, запомнили это место и с тех пор объезжали его стороной. Как раз над вымоиной течение закручивалось в небольшую воронку, еще заметную в закатных сумерках. Но это меня бурление на поверхности воды предупреждало о коварстве речного дна. Бывшие же Стервятники в подобных тонкостях совершенно не разбирались. Даже если Гатри обратил внимание на маленький водоворот, он понятия не имел, что произойдет, когда колеса бронеката наедут на это место.

А произошло то, что мы обычно терпеть не могли, — внезапная и резкая встряска. «Гольфстрим» без труда перекатил через вымоину, но не почувствовать ее трехсоттонная махина не могла. К чему я и стремился. Еще до того, как истребитель клюнул носом, я уперся покрепче в штурвал и встал поустойчивее.

Спасая свою жизнь, не стоит забывать о законах физики. И если вам — шкиперу бронеката — приставили нож к горлу прямо у руля, мой вам совет — избегайте ухабов! Даже мелких, потому что при подпрыгивании нос машины задирается, и ваш захватчик неминуемо отшатнется назад, попытавшись за вас ухватиться. Что может закончиться плачевно для вашей глотки. А вот выбоины — именно то, что надо. В этом случае резкий крен палубы вперед повалит врага в другую сторону. Защитный рефлекс заставит его забыть

о вашем горле и выставить руки перед собой. И если вы не замешкаетесь, то непременно возьмете реванш, пока лезвие ножа находится вдали от вашего кадыка.

Я был готов к встряске, а Гатри — нет. Грузный и неуклюжий, он не устоял на ногах и навалился на меня сзади всей своей массой. Левая рука паломника отцепилась от моего плеча и уперлась в штурвал. Правая — та, в которой было оружие, — рефлекторно сделала то же самое. Только не всей ладонью, а лишь ее основанием, поскольку вражеские пальцы продолжали удерживать нож. Однако момент староста упустил. Едва передние колеса истребителя выскочили из промоины, я бросил штурвал и контратаковал противника с яростью, на какую только способен перевозчик, у которого отнимают любимый бронекат.

Ухватив Гатри за запястье вооруженной руки, я изо всех сил лягнул его пяткой в коленную чашечку. Удар был нанесен не глядя и задел колено противника лишь вскользь. Но этого хватило, чтобы оно подкосилось, а септианин заорал и согнулся пополам. И пока он, ослепленный болью, не сообразил, что к чему, я взялся бить его сжимающую нож руку о штурвал.

Где-то на шестом ударе пальцы ангелопоклонника разжались и выронили нож. Недолго думая, я оттолкнул его ногой в угол рубки и отскочил от врага, собираясь добить его пинком в голову. Но тут в вымоину провалились задние колеса истребителя, и нас потрянуло повторно. Это вынудило

меня повременить с атакой и ухватиться за поручень, дабы не упасть.

Второй толчок, наоборот, помешал мне, но помог Гатри. Я хотел добить старосту, но встряска отбросила его от меня к задней стене рубки. Прямо в тот угол, где валялся его нож. Продолжая орать, Гатри упал на колени, но он уже пришел в себя и сразу заметил на полу свое утраченное оружие. И не только заметил, но и схватил его. После чего разразился победоносным воплем и, отмахиваясь клинком, стал поспешно подниматься с пола.

Вот дерьмо!

В бардачке у меня тоже был припрятан кинжал, а в закрытой стенной нише стоял арбалет. Но чтобы достать первый, мне требовалось пробежать прямо под носом у Гатри, а второй был не заряжен. Отобрать нож голыми руками у крупного и разъяренного противника мог разве что Убби, но не я. У меня в запасе оставалась всего пара секунд на поиск пригодного оружия, и я схватил первое, что попало мне на глаза...

Это было даже символично: заехать по морде строителю Ковчегу тем, что он ненавидел больше всего, — нечистым огнем. Впрочем, сейчас мне было не до поэтических наблюдений. Выдернув из держателя факел, я сделал неуклюжий, но сильный выпад и ткнул своим оружием прямо в лицо идущему на меня врагу. Факельная ручка была достаточно длинной, и я дотянулся до него прежде, чем он — до меня. По-

мимо ожога Гатри получил еще и палкой по зубам. Но этот удар он, кажется, даже не почувствовал. Едва горячая смесь (мы сами изготавливали ее из воска и стеарина) попала паломнику на усы и бороду, те вспыхнули не хуже, чем пропитанная этим же составом льняная ткань на факеле.

Каких только криков и воплей ни наслушался я за свою жизнь, но такой, наверное, слышал впервые. Не знаю, как громко орал бы я, поджарь мне кто-нибудь лицо, но Гатри заверещал так истошно, что я, оторопев, даже не нанес повторный удар. Хотя он и не понадобился. Как только вражья борода сама обратилась в факел, староста снова выронил нож и начал яростно лупить себя ладонями по лицу, пытаясь сбить пламя. Однако то разгоралось быстрее, чем бедолага успевал себя тушить, и он вдобавок обжег себе руки. После чего его крики стали еще безумнее, хотя, казалось, безумнее было уже некуда...

Едва я представил, как этот живой факел набрасывается на меня, и всю мою оторопь как ветром сдуло. Подобрал смятый коврик, я набросил его на Гатри и, пока тот не упал и не начал кататься по полу, вытолкал его на мостик. А потом захлопнул дверь и задвинул на ней оба засова. Вообще-то, ей следовало быть запертой с самого начала, не пригласи я к себе этого гостя. Но и сейчас, когда я от него избавился, перекрыть выход в рубку было еще не поздно.

Наша потасовка продлилась от силы секунд двадцать. И когда я вернулся к штурвалу, на палубе почти ничего не из-

менилось. Одни пираты продолжали пинать дверь моторного отсека, другие вертелись возле бесполезных «Эстант», а парочка взломщиков все еще боролась с замком инструментального ящика. Но все они бросили свои занятия и замерли в испуге, когда на мостике возник их вопящий и дымящийся староста.

Коврик помог ему сбить пламя, но дикая боль от ожогов заставляла его орать не переставая. Его рассудок помутился, и ему было уже явно не до пиратства. Что ж, отличный момент для контратаки! Ну теперь держитесь!..

— *Mio Sol!* — вновь окликнула меня Малабонита. Она видела, что стряслось с Гатри, но не знала, жив ли я, и оттого не на шутку беспокоилась.

— Живой! — покричал я в ответ, выворачивая штурвал и возвращая «Гольфстрим» на прежний курс. — А теперь жги их, Моя Радость! Давай, поджарь эту сволочь!..

Возвращение в мир огня было воспринято в Атлантике неоднозначно. Даже в нашей команде он вызывал противоречивые эмоции. Я относился к нему настороженно, но с возрастающим интересом. Малабонита, напротив, — без страха, но и без особого интереса, как к новой и полезной, но незамысловатой утвари. Де Бодье больше всех из нас подпадал под определение «огнепоклонник». Теперь половину его верстаков и полок занимали горелки, смесители, измельчители и разнокалиберные емкости. Все свое свободное время Гуго корпел над ними, изучая по сохранившимся у него

древним книгам свойства огня и способы его получения. И добился немалых успехов, что для исследователя с пытливым умом было, впрочем, закономерно. Убби же видел в огне живое существо, могучее и разумное — практически собрата-воина. Северянин часто разговаривал с ним, но отказывался признавать в нем своего боевого помощника. По той же причине, по какой он не пользовался стрелковым оружием, причисляя его к неблагородному.

И лишь одна категория людей в Атлантике относилась к огню одинаково прагматично: мастера-оружейники. Многие из них еще в эпоху метафламма осмеливались делать взрывчатку для «би-джи»-пуль и бомб. Правда, в очень малом количестве, потому что выпускать такой товар было слишком накладно и опасно. Но когда мир облетела весть о возвращении огня, уверен, почти каждый оружейник уже на завтра поставил у себя производство взрывчатых веществ на поток.

Не всем на этом поприще сопутствовала удача. Не раз, проезжая мимо очередного поселения, мы видели опаленные руины, что являли собой бывшие оружейные мастерские. Но прогресс было не остановить. На месте одной взлетевшей на воздух мастерской вырастало несколько новых. А наученные горьким опытом мастера (если, конечно, им посчастливилось выжить) усиливали меры безопасности, переосмысливали технологию и вновь возвращались к сулящей им огромные прибыли работе.

С огнестрельным оружием дела пока обстояли не ахти.

Его изготовление требовало более сложных и точных инструментов. Вдобавок не всякая иносталь для этого подходила. Всему виной была ее плохая теплопроводность и ковкость. Бывало, что крепчайший сорт иностали портился от первого же погружения в горнило. А порой не годящаяся даже для простого ножа заготовка демонстрировала впечатляющую огнестойкость. Оружейникам предстояла колоссальная работа: разработать новые стандарты для использования столбового металла в кузнечном деле. И тех нескольких месяцев, что человечество заново укрощало огонь, было для этого недостаточно.

Зато их хватило, чтобы повсюду в продаже появились порохи и другая взрывчатка. И царивший в Атлантике хаос не мешал бурному развитию этого рынка. Правда, развивался он столь же хаотически. Где-то подобный товар продавался свободно, недорого и в любом количестве. Где-то — мелкими ограниченными партиями и по заведомо высоким ценам. А местами — как правило в городах с жесткими законами — торговля взрывчатыми веществами была запрещена под угрозой смертной казни. Но мы, колеся по миру, не испытывали проблем с покупкой этого оружия. Пока лишь — для собственных нужд, но я уже подумывал, а не переоборудовать ли мне трюм для перевозки такого специфического груза. Мы могли бы приобретать его в центре Атлантики и перепродавать втридорога на окраинах, где его у нас оторвут с руками. Воплотить эту идею в жизнь мешало одно. Даже

заполни мы трюм наполовину гусиным пухом, я все равно буду покрываться холодным потом на каждом ухабе, помня, что утроба «Гольфстрима» начинена несколькими тоннами взрывчатки.

Несколько ее ящиков, какие сегодня имелись у нас в запасе, меня тоже пугали, но не так сильно. Этот риск себя оправдывал, что и было доказано сейчас — когда на палубе у нас хозяйничали пираты.

Сегодня Долорес взбиралась на мачту не только за тем, чтобы высматривать на горизонте опасность. Второй ее задачей было прикрытие Убби. Со своей защищенной высотной позиции Моя Радость могла контролировать всю верхнюю палубу. И если бы Сандаварг ввязался в драку, Малабонита быстро сократила бы количество его противников, утыкав им спины стрелами.

Однако сейчас от ее лука было мало пользы. Потеряв двух-трех человек, паломники попрячутся за укрытия, и выгнать их оттуда без Сандаварга будет некому. Дабы наша война не затянулась до утра, Малабоните придется использовать другое, более эффективное оружие. То, которое она держала при себе на экстренный случай.

Экстреннее случая было не придумать. Услышав мой приказ, Долорес запалила от факела фитили двух бомбочек-«зажигалок» и метнула их во врага. Одну — в компанию, что рвалась в моторный отсек, а другую — во взломщиков, долбящих по замку инструментального ящика...

В арсенале у Малабониты имелись и осколочные бомбы. Но бросать их на палубу, когда там валялся усыпленный противником Убби, было нельзя. А «зажигалка» не метала осколки и не контузила человека ударной волной. Все, что она делала, — порождала вспышку обычного пламени, способную разжечь большой костер даже под дождем. Или воспламенить на человеке одежду, если использовалась в качестве оружия.

Едва пираты сообразили, что стряслось с главарем, как их постигла та же беда. Два ослепительных огненных всполоха озарили палубу, превратив сгущающиеся над нами сумерки в ясный день. Он продлился лишь миг и пропал вместе с погасшими вспышками. Однако прежний сумрак на «Гольф-стрим» уже не вернулся. Теперь на нем пылали несколько живых факелов. Пылали по-разному — одни жарче, другие слабее. Но все они дико орали в унисон обожженному Гатри, а потом попадали на палубу и принялись кататься по ней, превратив реальность в еще больший кошмар.

У Малабониты явно чесались руки метнуть во врагов еще парочку «зажигалок», но она устояла перед этим искушением. Рисковать жизнью Убби мы были не вправе. К тому же не хотелось портить палубный настил, который мы подновили на последнем ремонте. Он и без того занялся огнем, а после второй бомбардировки запылывает так, что мало не покажется. Больше гореть на верхней палубе было вроде бы нечему, но меня это мало утешало. Пожар есть пожар, пусть даже мы

устроили его сами в целях самозащиты.

Пираты вмиг забыли о своих захватнических планах и бросились на выручку товарищам. Спасатели вели бы себя намного решительней, если бы не их страх перед огнем. Они срывали с себя одежду и колотили ею горящих, пытаясь сбить пламя, но это почти не помогало. Ужас повергал в дрожь тех, кто увернулся от «зажигалок». Эти везунчики были готовы вот-вот запаниковать, а паника — плохой советчик там, где нужна отвага и слаженность действий.

Пришлось смириться над противником и подсказать ему быстрый и эффективный способ борьбы с огнем.

— Трап! — заорал я в окно, стараясь перекричать галдеж. — Опускайте трап и прыгайте в воду!

Я не слишком надеялся, что меня расслышат. Но все же мой голос долетел до одного из молодых паломников, и он бросился в указанном направлении. Разобраться с трапом не составило бы труда даже идиоту. Для этого следовало дернуть за рычаг, что находился рядом со сходнями, и все. Других механизмов там не было.

— Стоп колеса! — гаркнул я в раструб коммуникатора моторного отсека. И, дабы успокоить встревоженного Гуго, добавил: — Все в порядке, мсье де Бодье, угроза позади! Потерпите еще немного, скоро я вас выпущу!

«Гольфстрим» остановился, и трап опустился, когда нас и противоположный берег разделяло около сотни метров. Глубина на этом участке брода была уже небольшая — от

силы метра полтора. Даже не умеющему плавать человеку пришлось бы постараться, чтобы здесь утонуть. Громкий всплеск, с каким сходни ударились о воду, послужил горящим строителям ориентиром, куда им следовать. Накидки защитили их от крупных ожогов, и хоть пострадавшие ощущали дикую боль, они все же не утратили рассудок. И нашли в себе мужество подняться на ноги, добежать до трапа и нырнуть в реку. Даже Гатри, что уже не горел, а лишь дымился, скатился кубарем с мостика и, ковыляя из последних сил, поспешил к спасительной воде.

Не угодившие под огонь септиане не могли оставить раненых собратьев без поддержки и тоже попрыгали в реку. Я же приказал Гуго открыть моторный отсек и срочно подготовить водяную помпу со шлангом. А пока Сенатор выполнял распоряжение, я сбегал на горящую палубу и первым делом поднял трап, оставив пиратов за бортом.

Из-за бомбовой атаки на палубе образовалось несколько очагов пожара. Но огонь еще не разгорелся в полную силу, поэтому затушить его было несложно. Заодно удалось привести в чувство Убби, окатив его водой из брандспойта. Едва очухавшись, шатаясь из стороны в сторону, он, однако, поднялся на ноги и сразу вспомнил, что за беда с ним приключилась.

Хвала Септету Ангелов — он успел увести своих верных рабов с «Гольфстрима» и напомнил мне поднять трап! Не случись этого, наша битва с ними продолжилась бы за пре-

делами бронеката. Причем ожоги были бы меньшим из зол, какие на них обрушились.

И без того обозленный Сандаварг рассвирепел еще больше, когда увидел, что кто-то из врагов брал его оружие. Взревев, он шаткой, но целеустремленной походкой направился к разбросанным по палубе братьям Ярнклоту и Ярнскиду. Зачем они понадобились Убби, когда враги уже покинули «Гольфстрим», было совершенно очевидно.

— Вот черт! — спохватился я. После чего бросил брендспойт и, поспешно открутив от траповой лебедки рычаг, спрятал его за спину. И когда Сандаварг во всеоружии подступил к сходням, опустить их он уже не мог.

— А ну верни железяку на место! — потребовал Убби, глядя на меня исподлобья. Ноздри его раздувались, а ошалелый взгляд не предвещал ничего хорошего ни мне, ни барахтающимся за бортом паломникам.

— О чем ты? Какую железяку? — Я прикинулся дурачком, хотя это было не лучшей идеей в споре с вышедшим на тропу войны убийцей.

— Хватит морочить мне голову, загрызи тебя пес! — рывкнул крепыш-коротыш, теряя остатки терпения. — Быстро выпускай меня отсюда! Кое-кто здорово меня разозлил, и сейчас об этом пожалеет! А также о том, что он вообще родился на свет!

— Не выпущу! — запротестовал я, косясь на брата Ярнклота и гадая, успею ли я от него увернуться. — Достаточно

но на сегодня крови! Пока ты э-э-э... отсутствовал, мы хорошенько поджарили задницы этим ублюдкам. Им теперь не до Великой Чаши, а до ближайшей деревни не добраться. Некому там с тобой воевать! Или ты хочешь запачкать благородного брата Ярнклота в крови женщин и детей?

— Собачий хвост вам всем в печенку! — От избытка накопившейся ярости Убби громыхнул по щиту намотанной на руку цепью кистеня и топнул ногой. — Ты что, думаешь, я это просто так оставляю?! К черту женщин и детей! Пойду оторву головы хотя бы их шелудивому псу-старосте и этому коновалу Панфилу!

— Ты прав: староста Гатри теперь и впрямь похож на шелудивого пса, ведь я спалил ему на голове все волосы, — попытался отшутиться я, но к лебедке не притронулся. — А Панфил сам себе оторвет голову. От отчаянья, потому что теперь ему придется заготовить целую тонну мази от ожогов... Остынь, северянин! Это не те враги и не та битва, какими ты мог бы гордиться. Подумаешь, опоили тебя сонным зельем, и ты проспал самое интересное! Как будто раньше ты ни разу не валился с ног и не вырубался с хорошего перепою! Возможно, оно и к лучшему, что ты — великий воин — не стал проливать кровь этих недостойных людей, с которыми даже мы в итоге справились.

— Зажарить полдюжины ангелопоклонников — что может быть проще! — поддакнула мне спустившаяся с мачты Малабонита. Она тоже не желала добивать потрепанного

врага, жизнь у которого и так теперь ожидалась не сахар. — Вот уж не думала, что наш бравый краснокожий парень дерется с врагом, убегаящим во все лопатки даже от женщины!

Сандаварг вновь зарычал и затрясся, но этот приступ гнева продлился недолго. После чего злость из Убби быстро улетучилась, он опустил оружие на палубу, а затем упер мне в грудь указательный палец и проворчал:

— Запомни, Проныра: я пощадил этих псов только из уважения к тебе и твоей женщине! Но в следующий раз, если кто-то вздумает меня отравить, а я выживу, тебе не спасти его, будь он хоть твоим родным братом, хоть самым Метатроном!

И, сверкнув глазами, потопал к бочке с водой, чтобы прополоскать испачканный сонным зельем рот и утолить жажду.

— Спасибо, я это запомню, — пообещал я вслед северянину и облегченно выдохнул.

Разыгравшееся на «Гольфстриме» короткое сражение обошлось без погибших и тяжелораненых. По нынешним временам — прямо-таки чудо! Хотя, если по дороге в Великую Чашу Гатри будет рассказывать о том, кто его изуродовал, вряд ли я предстану в его истории благородным и милосердным врагом. Что, впрочем, не помешало мне проявить к паломникам еще одно неслыханное милосердие.

— Подберете свои вещи на берегу! — вернувшись на мостик, прокричал я копошащимся в реке бывшим пассажирам. — Ваше оружие я выброшу подальше отсюда! Отыщи-

те его утром, когда пойдете по нашим следам! И не советую больше искать с нами встречи! Вы смертельно оскорбили северянина, но он вас простил! О чем это говорит? О том, что вы стали свидетелями чуда! Возможно, самого великого чуда в вашей жизни! Если вы чтите заветы Септета, вам известно, что Ангелы не даруют дважды подобную удачу даже святым! Поэтому не нужно искушать их, попадаясь нам на глаза еще раз! Хорошо уяснили или повторить?

— Я повторю, загрызи вас пес! — рывкнул в бойницу Сандаварг, не дожидаясь ответа. — Не ваши Ангелы, а я — Убби Сандаварг! — оказал вам, песьим задницам, великую милость! Теперь знайте, кому вам надо молиться до окончания ваших дней! И молитесь как следует! Потому что, если до меня перестанут доходить ваши молитвы, я разгневаюсь, разыщу вас, где бы вы ни прятались, и живьем зарою в землю!

И, довольный своей шуткой, загоготал так, что на истребителе задребезжала обшивка.

В ответ строители Ковчега призвали на наши головы столько проклятий, что их с лихвой хватило бы на всех огнепоклонников мира. Несколько брошенных нам вслед камней стукнули по броне, не перелетев через борт. Убби на это уже не отреагировал. Продолжая бурчать что-то под нос, он отошел от бойницы и направился к мостику.

— Дерьмовые настали времена, раз теперь даже праведники-септиане озверели, как собаки, — поднявшись в рубку,

заметил северянин с порога. — На кой вообще им сдалась наша развалюха, если они в технике ни в зуб ногой?

— Хотели выслужиться перед первосвященником Нуньесом, — ответил я. — Купить себе за наш счет билет на Ковчег. Согласись, щедрый вступительный взнос: плененная банда святотатца Проныры Третьего и его бронекат! Нас отдадут на закляние Нуньесу, а «Гольфстрим» будет искупать наши грехи, работая над строительством Ковчега.

— Ковчег, Ковчег!.. Какой такой Ковчег? — переспросил Убби.

До меня дошло, что он еще не в курсе нашего разговора с Гатри, и я посвятил северянина в эти подробности.

— Час от часу не легче! — подытожил он мою короткую историю. — Эти псы и раньше были психами, а теперь последнего ума лишились! Спасибо, что удержал меня от драки, Проныра. Кабы я сразу догадался, что Гатри, Панфил и все их отребье — юродивые, то не обиделся бы на них. Северяне не пачкаются в крови юродивых, даже если они швыряют в нас собачьим дерьмом... Э-хе-хе, куда ушли те времена, когда мы бились только с достойными противниками! Как думаешь, остались они еще на белом свете?

— Хватит еще на твою долю врагов, — отмахнулся я. — И достойных, и недостойных. Сам видишь: наше хулиганство в Аркис-Грандбоуле не забыто. Хуже того — на нас повесили еще и вактов, что прорвались тогда в столицу, хотя мы были тут уже ни при чем! Так что я бы на твоем месте не грустил,

а радовался. Пока мы болтались по Югу, количество наших врагов в Атлантике не уменьшилось, а, наоборот, только выросло...

Кто бы мог подумать, что слова, какими я без задней мысли подбодрил товарища, станут пророческими! Не прошло и трех суток, как мы опять вляпались в неприятности. Да такие, что в сравнении с ними стычка с Гатри могла считаться всего лишь мелочной базарной склокой...

Глава 3

В горах Сьерра-Леоне извергались сразу два вулкана. И все дожди, что шли над равниной, лежащей восточнее этих гор, были грязные. «Гольфстрим», которого я еще вчера регулярно купал в реке, выглядел сегодня не самым лучшим образом. Весь покрытый потеками мокрого пепла, он приобрел тот демонический облик, какой должен быть присущ бронекату врагов Веры и Церкви. Обливая «Гольфстрим» грязью, небеса таким образом выводили нас, негодяев, на чистую воду. Звучит парадоксально, но на деле выглядело именно так.

Крупных рек здесь не было, зато озер хватало с избытком. Больших, малых, красных, бурых, желтых, оливковых, холодных, горячих, гейзерных, а то и вовсе кипящих, как котелок с кипятком, — самых разных озер, на любой вкус и цвет. Не было только прозрачных, какие мы встречали на Юге, в краю талых антарктических вод. Вернее, они были бы, не лей грязные дожди так часто, как будто и впрямь Земля готовилась к Новому потопу.

Однажды мы наткнулись на многокилометровую стену вырывающегося из земли густого пара. Гуго пошутил, назвав это явление стоящим вертикально озером, и отчасти был прав. Оно действительно разлилось бы здесь, если бы в глубине разлома, куда стекали окрестные ручьи и речушки,

не было раскаленной лавы. Ее скопилось там так много, что вода попросту не могла ее остудить и испарялась без остатка, едва долетев до дна.

Издали зрелище выглядело фантастически, но приближаться к нему было рискованно. Не все испарения являлись безобидными. Часто это и впрямь оказывался обычный водяной пар. Но по Атлантике гуляли слухи о том, что иногда люди забредали в зону безобидных с виду извержений и сжигали себе легкие буквально за полчаса. А те, кому удавалось выжить, покрывались язвами, теряли зрение и харкали кровью.

Вот почему, подъезжая к очередным гейзерам или кипящему водоему, мы первым делом смотрели, не валяются ли поблизости трупы животных и птиц. И даже если не находили их, в любом случае разбивали лагерь вдали от берега — мало ли что? Береженого бог бережет, как говаривали в старину. Ну а поскольку бог в эти края явно не заглядывал — скорее уж, здесь любил околачиваться сам дьявол, — значит, нам требовалось быть вдвойне бдительными.

Некрупное озеро, к которому мы подъехали на третьи сутки после стычки с паломниками, выглядело вполне обычным. И было холодным, поскольку над ним не клубилась туманная дымка. Но я все равно остановил «Гольфстрим» в полукилометре от берега, хотя все мы были не прочь искупаться. Дождь прекратился еще в обед и, по всем приметам, надолго, поэтому было бы неплохо отмыться от грязи и высти-

рать одежду. Конечно, завтра или послезавтра опять разыг­рается непогода, и мы выпачкаемся с головы до пят. Но пока дождь давал нам передышку, было глупо ею не воспользо­ваться и не привести себя в порядок. Также следовало от­мыть палубу. Затем, чтобы не измазаться после купания и побыть чистыми хотя бы до утра.

И все же я велел команде думать забыть о походе к воде. Малабонита и де Бодье попробовали спорить и доказывать мне, что я преувеличиваю вероятную угрозу. Однако Санда­варг пригляделся к водоему и признал, что мои опасения не лишены здравого смысла.

— Тебе тоже кажется, что здесь слишком странные вол­ны? — спросил я у северянина, продолжающего недоверчи­во таращиться на озеро.

— «Странные» — это еще мягко сказано, — ответил Убби. — Судите сами: ветерок дует слабенький, да к тому же со стороны берега, а волны на этой грязной луже ходят такие, каких я даже на южных озерах не видывал. И не про­сто ходят, а прямо бегут против ветра! Так, словно их кто-то подгоняет, загрызи меня пес! Да и прибой такой сильный, что небось камни величиной с куриное яйцо перекатывает. А лужа-то шириной всего ничего — другой берег хорошо виден... Проныра прав: не к добру все это. Нечего нам де­лать возле воды. Помоемся из бака и переночуем здесь.

— Спрафетлифо! Фота — херьмо! Польшая фота — поль­шое херьмо! — поддакнул Физз, лишний раз напомнив нам

о своей водобоязни.

— Раньше был один параноик в команде, теперь их стало двое! Или трое, если считать того, что с хвостом, — проворчала Малабонита, но выступить против скептически настроенного большинства не стала. Как и Сенатор, который тоже обратил внимание на странность здешних волн и сразу расхотел купаться.

Пресную питьевую воду мы обычно набирали из тех озер, что разливались после дождя (обычного, не грязного), отстаивали ее и давали сначала на пробу Физзу. И если он не воротил от этой воды свой нос, значит, и нам можно было употреблять ее без опаски.

Воду, что извергала земля, было невозможно пить из-за растворенных в ней солей и прочей неаппетитной дряни. Однако их концентрация в каждом водоеме или источнике различалась, и порой сильно. Часто нам попадались реки или озера, чья вода имела отвратный вкус, но была пресной и подходила для других целей. Поэтому с недавних пор на «Гольфстриме» появилось два бака: питьевой и технический. Последний приходилось заправлять гораздо чаще. И немудрено. В мире, где отпала нужда экономить воду, человек быстро приобретал полезную привычку расхаживать с чистой физиономией и в выстиранной одежде.

Заснули мы, как обычно, сразу после ужина, оставив на страже Физза. Иногда — когда обстановка вокруг была тревожной, — к нему присоединялся Убби, у которого хвата-

ло времени выспаться днем. Сегодня усиленная охрана нам вроде бы не требовалась. Места эти были оживленными, но мы расположились в стороне от проторенных дорог. Пешие и конные скитальцы старались с них не сходить. От дождей хамада раскисла, и никому не хотелось плутать по щиколотку — а где и по колено — в грязи. А тем более там, где было трудно, если что, докричаться до помощи.

Близ нашего озера могли нарисоваться лишь другие перевозчики, но если они не появились до темноты, ночью не появятся подавно. Пускай мы вернули себе огонь, никто пока не изобрел прожектор, что позволил бы бронекату ездить по хамаде в кромешной тьме. А ясных ночей в отрогах грохочущих и дымящихся гор Сьерра-Леоне не бывало уже давно.

Весь вечер, вплоть до темноты, мы не спускали глаз с озера, но ничего в нем так и не изменилось. Необычайно крупные волны продолжали накатывать на берег, и в конце концов мы решили, что они — лишь отголоски тех преобразований, что протекают сейчас в недрах планеты. Сойдясь во мнении, я, Малабонита, Гуго и Убби растянули над палубой тент и легли спать, а Физз остался скучать возле жаровни с тлеющими углями. Его чешуя тоже флуоресцировала сегодня бледным, тлеющим светом — не то что в былые времена. Но если прежде наш хвостатый «светоч» по этому поводу сильно расстраивался, то теперь у него был огонь, который, в отличие от солнца, позволял ящеру греть свои старческие косточки не только днем, но и ночью.

Отрадно, что любовь к огню не застила Физзу рассудок, и он не забывал о своих караульных обязанностях. И когда ночью он вдруг почуял угрозу, то тут же громко зашипел и забегал по палубе. Одно только странно: Физз не мог объяснить нам природу этой угрозы. Что было на него не похоже. Обычно у чешуйчатого болтуна хватало словарного запаса объяснить, почему он поднял нас на ноги посреди ночи. И вот в кои-то веки он спасовал и не нашелся, что сказать, кроме «Херьмо! Херьмо!».

Впрочем, долго гадать, о каком дерьме идет речь, не пришлось. Едва мы подорвались с матрацев, как сразу ощутили под ногами вибрацию. Палуба дрожала не настолько сильно, чтобы разбудить привыкших к тряске перевозчиков. Но достаточно сильно, чтобы дать понять: в округе творится что-то неладное.

Дрожал, естественно, не сам «Гольфстрим», а земля под ним. Причем она не только дрожала, а вдобавок издавала низкий гул, слишком странный для обычного землетрясения. И этот гул равномерно нарастал. Точно так же, как гудит вода, когда вы слышите ее приближающийся шум, стоя у сливного отверстия водопровода...

Вода!

Пропади я пропадом, если этот гул не связан с аномальным волнением на озере! Но если оно вышло из берегов, где же тогда плеск волн, который непременно долетел бы до наших ушей? Он отсутствовал. Гул нарастал, но прямых улик,

связывающих его с озером, не было.

Проклятая темнота! Лишь свет наших факелов да зарево извергающихся вулканов на горизонте не позволяли назвать ее кромешной. Но в той стороне, где находилось озеро, мрак именно таким и был. Единственное, что мы могли сделать, — это выстрелить из «Эстанты» в том направлении пару факелов. Хорошенько смочив их в горячем растворе, дабы не погасли в полете, Малабонита зарядила осветительные снаряды в баллестираду, после чего подожгла и запустила их по навесной траектории как можно дальше.

Факелы улетели шагов на двести и, упав на землю, продолжали гореть. Правда, ничего интересного в освещаемой ими зоне не происходило. Мы пожертвовали ими, отвоевав у мрака небольшой участок пространства, но ни на йоту не приблизились к разгадке. Какая досада!

Чутье подсказывало мне, что надо срочно проваливать отсюда, да только куда? До рассвета еще несколько часов, а по хамаде впотьмах далеко не уедешь. Гарантированно кувыркнешься в овраг или посадишь истребитель брюхом на скалу — и все, путешествие окончено! С тем же успехом оно может закончиться, останься мы здесь. Но так мы хотя бы избежим неприятностей, если угроза окажется ложной, а зловещий шум — отголоском какого-нибудь далекого землетрясения. То-то огребем позору на наши седые... точнее, седую, полуседую, черную, рыжую и чешуйчатую головы, если наутро «Гольфстрим» будет валяться вверх колесами в канаве

из-за того, что ночью мы со страху ударились в панику!

Между тем гул усилился настолько, что стало совершенно очевидно: добром это не кончится.

Так и вышло.

Толчок, сотрясший вскоре землю, был схож с тем, какой вызвала бомба Тамбурины, упав в Новое Жерло и распылив в мгновение ока миллиарды тонн иностали. «Гольфстрим» подбросило вверх на добрых полметра, несмотря на то что он стоял на месте. Мощные рессоры смягчили удар, но мы все равно попадали с ног, а Физз ненадолго лишился дара речи. Когда же он вновь заговорил, мы его почти не слышали, поскольку голос ящера утонул в шуме. В том самом шуме, какой мы до этого тщетно пытались расслышать и какой теперь не расслышал бы только глухой.

Рев несущегося на нас гигантского водяного вала!

Я в жизни не видывал таких волн, но представить, как они выглядят, мне было так же просто, как вообразить великана по одному лишь звуку его топота.

— Все в моторный отсек! — заорал я во всю глотку. — Не стой, спасайся!

Выбор убежища объяснялся просто. Вход в моторный отсек находился рядом, а до лестницы, ведущей в трюм, было гораздо больше. В трюме, конечно, безопаснее, но туда нам не успеть. Хотя дверь отсека де Бодье тоже достаточно крепка. Она не герметичная, но сдержит напор стихии и не позволит нам пострадать или утонуть во время ее удара.

Хорошо, когда тебя понимают с полуслова. Десять секунд, и все мы, включая подхваченного северянином Физза, уже находимся в моторном отсеке, и я поспешно запираю дверь с помощью блокировочного колеса. Последнее, что я вижу, прежде чем захлопнуть ее, — то, как гаснут оба наших факела, которые мы разбросали между озером и истребителем. Эти жалкие островки огня проглотила ревущая, колышущаяся тьма. Она показывается мне лишь на миг — пока не исчезает свет, — но этот жуткий кошмар будет преследовать меня до конца моих дней... Или всего-навсего пару минут, если тьма прорвется к нам в убежище и утопит нас тут, словно крыс — в железной бочке...

Удар стихии приходится на левый борт. От ее натиска «Гольфстрим» содрогается, затем начинает вибрировать... но вода, чьи струи должны хлынуть в дверные щели, почему-то туда не хлынула. Более того, я вижу сквозь них трепещущий свет факелов, какие мы оставили горящими на палубе. Факелы продолжают гореть, хотя я не сомневался, что волна перехлестнет через борт и моментально их погасит. А потом отмоеет бронекат и от вулканического пепла, и от застарелой грязи, оставшейся здесь со времен нашего южного путешествия. Вот только кому нужна эта чистота, если к утру на борту истребителя останутся одни утопленники...

Спустя минуту стало понятно, что генеральная уборка отменяется. Шум за бортом начал стихать, переходя в обычное журчание, миролюбивое и успокаивающее. Даже не ве-

рилось, что это мурлычет тот самый зверь, который только что яростно рычал и бросался на нас. Может, он лишь притворяется пайнкой, а в действительности готовится сейчас ко второму броску?

Но надвигающегося рева снаружи больше не доносилось. Да и вибрация тоже утихла. Отсиживаться взаперти пропал всякий смысл, и мы, отперев дверь, вернулись на палубу.

Такое впечатление, что мы перенеслись во времени на несколько дней назад и снова занимались переправой. Разве что нас выбросило на речной брод не засветло, а среди ночи. Вокруг «Гольфстрима» опять журчала вода, воздух был насыщен влагой, и Физз завел свою песню, какой докучал нам, пока мы работали паромщиками: «Вода — дерьмо!..» и тому подобное... Теперь-то, конечно, ему было что нам высказать, жаль только, объяснить причину наводнения ящер, как и мы, не мог. И не факт, что она откроется нам утром.

Ну да черт с ней, с причиной! Меня больше беспокоила не она, а последствия ночного катаклизма. И то, как мы будем искать теперь в хамаде дорогу. Если мы угодили в очередной стихийный разлив, которые случаются в Атлантике повсеместно (хотя о столь мощных выбросах грунтовых вод нам пока не доводилось слышать), дело плохо. Но до рассвета мы так и так проторчим здесь. И что бы еще ни выкинула стихия, нам придется пережить и последующие ее удары.

Опущенный с борта на веревке факел дал понять, что уровень воды под нами достигает сейчас четверти колеса и она

течет в обратную сторону. Хотя утверждать, что озеро возвращается в свои берега, пока рановато — мало ли какие завихрения могут происходить с водным потоком на пересеченной местности. Но все же течение было сильным, и если под нами не образовалась река, вскоре здесь станет сухо.

Делать было нечего, кроме как сидеть и дожидаться утренних сумерек. Мы провели это время в тревожной полудреме, то и дело поглядывая на восток и вздрагивая при каждом подозрительном шуме. К утру вода действительно сошла, оставив после себя наносы из песка и грязи. И когда проглянувшее сквозь рваную пелену туч солнце наконец-то позволило нам осмотреться, все было отнюдь не так уж скверно.

Вода в озере заметно поднялась. Но оно так и осталось озером, а не превратилось в маленькое море, как могло показаться в потемках. О масштабе разразившегося ночью наводнения свидетельствовали лишь лужи: огромные — практически новые озера, — средние и малые. Лужи виднелись на всем обозримом пространстве, указывая, насколько мощным был разлив. Но куда подевалась извергнутая из земли вода, чей уровень, если судить по частично отмытым от грязи береговым скалам, поднимался на десяток метров от первоначального уровня воды в озере? Неужели утекла туда, откуда и появилась? И что вообще за сила смогла шутя выплеснуть на поверхность море? И не постепенно, как это происходило раньше, а за считанные минуты...

Да уж, после такого представления волей-неволей уверу-

еешь вместе с септианами в Новый потоп и помчишься в Великую Чашу завоевывать себе место на строящемся Ковчеге.

Чем дальше, тем больше я убеждался, что планета избавлялась не только от болезней, какими заразили ее Вседержители, но и от человечества. Так, словно мы тоже были застарелым вирусом, который прежняя иммунная система Земли не могла до поры до времени победить. Но теперь, когда ее выздоровление шло полным ходом, окрепший иммунитет вычищал из ее организма всю лишнюю дрянь. Включая и старые вирусы, какие ослабили новую заразу и тем самым вроде бы помогли планете.

Вот такие в нашей Вселенной порядки. И попробуй назови их несправедливыми. Единственная благодарность, какую мы заслужили от спасенной Земли, — она по-прежнему не мешала нам бороться за свое существование, давая самым стойким из нас шанс выжить. Что ж, и на том спасибо. Пришельцы не оставляли нам даже таких перспектив...

Раньше путешествие по раскисшей хамаде отняло бы у нас немало сил и нервов. Но с тех пор, как мы вживили «Гольфстриму» второе сердце — вспомогательный ДБВ, — он мог запросто преодолевать топи глубиной до двух метров. Если бы не низкая скорость, липкие брызги и необходимость часто останавливаться, чтобы изучить впередилежащий путь, езда по грязи мне бы даже понравилась. Так мягко и плавно истребитель не катился даже по песку. А ощущения, какие я при этом испытывал, напоминали наше плава-

нье на корабле Владычицы Льдов — ровно до того момента, как мы посадили его с разгону на мель.

Огибая лужи и оставляя позади глубокую колею, мы двигались вдоль берега туда, где он постепенно подымался и переходил из пологого в обрывистый. Выброс в том месте наткнулся на прибрежные скалы, и за ними находилась обширная область, что пострадала от воды наименее всего. Там тоже хватало луж, но хамада была размыта уже не так сильно.

Все шло замечательно до тех пор, пока мы не наткнулись на неприятную находку. Она внезапно обнаружилась по левому борту и сразу привлекла наше внимание.

Вернее, находок было две, но они валялись неподалеку друг от друга, и мы заметили их одновременно. Заметили и могли бы проехать мимо — сколько раз мы поступали так, натываясь в хамаде на человеческие останки. Но сегодня выдался особый случай, поскольку трупы были достаточно свежими и оба принадлежали северянам.

Их тела зацепились за камни, и потому вода не смыла их в озеро. Но они утонули не во время потопа, а раньше — за два или три дня до него. Мы могли судить об этом с полной уверенностью, поскольку повидали на Юге много утопленников. И тех, которых утопили мы сами, устроив кораблекрушение, и тех, что погибли потом при переправе на берег, когда наши союзники расстреливали из орудий матросские шлюпки. После той бессмысленной и беспощадной бойни матросы еще долго вылавливали из озера мертвецов. И

мы поневоле научились различать, какие из них провели в воде сутки, какие — трое, а какие — неделю...

Остановив бронекат, мы сошли на землю и приблизились к первому мертвому северянину. После чего выяснили, что он и вовсе не утонул, а умер еще до того, как очутился в воде. Распухшее, но еще не разлагающееся тело покрывало множество колотых и рубленых ран; их не удалось заметить издали, поскольку труп был полностью обескровлен. Лицо покойника также было изувечено, поэтому Сандаварг не смог определить, знал ли он его при жизни. Помимо свежих ран, на трупе имелись и старые шрамы. Но они в изобилии украшали шкуру любого наемника и не считались среди северян особыми приметами.

Осмотрев первого мертвеца, перешли ко второму. Он лежал ближе к воде и тоже был сильно изранен, но все же рассказал нам побольше своего собрата. На правой стороне его шеи обнаружилась отметина. Издали она походила на трупное пятно, однако на поверку оказалось, что это — татуировка. Распухшая кожа делала ее нечеткой, и все же мы разобрали, что там изображено: собранные «веером», четыре игральные карты разных мастей и значений. Любой картежник назвал бы этот расклад не самым удачным. Но для носителя татуировки он, видимо, однажды стал счастливым и принес крупный выигрыш. Поэтому северянин и увековечил у себя на теле эти карты, сделав их своим талисманом. Возможно, до недавнего времени они и впрямь помогали ему. Но в по-

следнем бою фортуна отвернулась от игрока, выдав все козыри его врагам.

— Загрызи меня пес, если это не Фреки! — воскликнул Убби, вмиг опознав мертвеца по уникальной татуировке. — У кого еще, кроме него, могли быть точно такие же дурацкие счастливые карты! Помнишь Фреки, Проныра?

— Еще бы не помнить! — отозвался я. Меня осенила та же самая догадка, просто Сандаварг озвучил ее раньше. — И не только его, а весь их сквад помню: Фреки, Тур, Квасир, этот, как его... Херлуф и, конечно, сам домар Тунгахоп... Вот уж не думал, что встречу одного из этих парней здесь, да еще мертвым!

— Похоже, не одного, а двух, — поправил меня Сандаварг. — У первого покойника на левом предплечье шрам от лошадиного укуса. Тоже редкая отметина, ведь мы, северяне, на дух не переносим лошадей и обычно держимся от них подальше. Но когда мы со сквадом Тунгахопа и Кавалькадой пробирались к Новому Жерлу, нам хочешь не хочешь пришлось оседлать лошадей. Одна из этих вонючих тварей и цапнула тогда Квасира... Я про это сразу вспомнил, едва на руку тому мертвецу глянул. Да только мало ли, думаю, в Атлантике укушенных лошадьми северян, вот и промолчал. Однако, если никто не спорит, что вот этот покойник — Фреки, значит, вон тот наверняка и есть Квасир... Правильно я толкую?

— Похоже, мсье, нам нечем вам возразить, — ответил за

всех Сенатор. — Но каким ветром сюда могло занести мсье Фреки и Квасира? И, главное, у кого хватило сил умертвить этих воинов, каждый из которых в силе и отваге не уступал вам, мсье Сандаварг?.. О, *bien pardon*, оговорился: *почти* не уступал!..

В иной раз такая оговорка пришлась бы Убби не по нраву. Но сейчас он пропустил ее мимо ушей, поскольку его голова была забита другими мыслями. Сандаваргу, как и всем нам, было чертовски любопытно, откуда здесь взялись эти вояки и что с ними стряслось. Их жизнь в последнее время была столь же головокружительна, как наша. Удрав из южной тюрьмы, эти беглые гладиаторы тоже выступили вместе с нами и Кавалькадой против Владычицы и даже взяли ее в плен. Но потом, когда Кавалькада погибла и стараниями Дарио бывшие враги заключили мир, сквад Тунгахоба не только заслужил прощение Владычицы, но и заставил ее отпустить на свободу всех гладиаторов-северян. А потом с чувством выполненного долга снова переквалифицировался в наемники. И буквально не сходя с места заключил первый контракт! Да еще какой: нанялся охранять королеву Юга, поскольку вся ее стража сложила перед этим свои головы в битве.

Когда мы решили возвращаться на Север, Тунгахоб сотоварищи продолжали служить телохранителями у Владычицы Льдов. И вроде бы не собирались в обозримом будущем разрывать с ней контракт. Однако с той поры многое пере-

менилось: разлившиеся озера затопили всю южную Атлантику, коммерческая империя Владычицы рухнула, и та лишилась своих богатств, подданных и власти. Мы терялись в догадках, собирая по крупичам слухи о дальнейшей судьбе королевы Юга. Слухи были один мрачнее другого, но в них ни слова не упоминалось о королевской страже. И вот спустя несколько месяцев нам вдруг удалось случайно узнать о горькой участи двух ее бойцов...

— Не спрашивай меня о том, чего я не знаю, толстяк, — огрызнулся Сандаварг в ответ на расспросы Гуго. — Но битва, в какой пали Фреки и Квасир, была знатная. В одном только им не повезло — их враги оказались не воинами, а последними псами. Надеюсь, вы понимаете, что их тела неспроста сбросили в воду. Это были не похороны, а надругательство!

— Почему ты так решил? — удивился я.

— Настоящий воин похоронил бы достойного противника со всеми почестями, — пояснил северянин. — А обычные кочевники или бандиты просто бросили бы трупы на поле боя — зачем им заниматься лишней работой, уничтожая улики в этой глуши? Нет, Проныра: тот, кто убил и затем утопил Фреки и Квасира, знал, что они служили Владычице Льдов. Знал и нарочно выбросил их тела в воду, словно мусор, поскольку презирал их за то, что они работали на южан. Дескать, вы подчинялись водяной королеве, вот и пусть ваши распухшие трупы разлагаются в воде, а не покоятся, как

подобаает, в земле.

— Но кому понадобилось надругаться над ними? — недоуменно вскинула брови Малабонита. — Если это предупреждение, кто, кого и от чего здесь предупреждал?

— Обвинить северянина в том, что он покрыл себя позором, служа королеве Юга, мог лишь другой северянин, — предположил я. — Хотя за время, что мы были знакомы с Квасиром и Фреки, они вроде бы не заикались, что у них есть враги среди оставшихся на воле сородичей.

— Мне они тоже об этом не рассказывали, — подтвердил Убби. Он знал покойных не так долго, как я, но успел пообщаться с ними при жизни побольше меня. — Однако ты, скорее всего, прав. Обвинить Тунгахопа и его сквад в предательстве могли лишь другие северяне. И не только обвинить, но и покарать их за это.

— Какая чудовищная неблагодарность! — удрученно покачал головой де Бодье. — Эти храбрые мсье освободили из южного плена всех своих собратьев-гладиаторов! Да им на родине должны памятник поставить, а не предавать позорной казни!

— Верно говоришь, толстяк, — кивнул Сандаварг. — Но это мы с тобой так думаем. А кое-кто, загрызи его пес, может, думает иначе. Вряд ли всем северянам пришлось по нраву то, что Тунгахоп якшался с Владычицей Льдов. Я сам знаю несколько ублюдков, какие сочли бы такой поступок недостойным истинного воина. Но все они обитают далеко отсю-

да, у каньона Чарли Гиббса, и верят, что покроют себя позором, покинув те места даже ненадолго. Да они, скорее, издохнут там от голода и жажды, чем отступят от своих убеждений!.. Северянин, что убил Фреки и Квасира, точно не был таким конченным отморозком. Хотя бы потому, что пользовался вот этим.

И Убби указал на бедро мертвеца, где зияла глубокая круглая рана диаметром с мышиную норку. Нам она ни о чем не говорила — дырка как дырка. Но Сандаварг, повидавший на своем веку несметное количество боевых ран, быстро определил, чем это ранение отличается от других, что также имелись на теле Квасира. Попросив у Гуго отвертку, Убби засунул ее в это отверстие, поскреб там и, вынув инструмент, заключил:

— Так и есть — пуля! Да непростая! Это вам не те смешные пульки-горошины, что из воздухоп্লоек вылетают. А глубина раны, гляньте, какая! Еле до пулевого доньшка достал. От такого удара никто на ногах не устоит, даже я. Да если мне в ляжку такая дрянь угодит, меня любой из вас успеет десять раз прикончить, пока я в себя приду.

— Неужто эту дырку оставило пороховое оружие? — спросил я.

— Оно самое, — не усомнился Сандаварг. — Вон, и мелкие ожоги на коже вокруг раны есть. То ли от пороха несгоревшего, то ли от куска горелой тряпки, какой ствол затыкали, чтобы пуля не выкатилась.

— Никогда бы не подумал, что северяне первыми возьмут в руки пороховые винтовки, — заметил я. — И это при вашей нелюбви к дальнобойному оружию!

— Вот и я про то же самое толкую, загрызи тебя пес! — угрюмо пробурчал Убби. — Все никак в голове не укладывается. Вижу, что Квасир и Фреки пали от рук северян. Вижу так же отчетливо, как тебя. Южане в ближнем бою такие раны не наносят. У вас руки длиннее, удары размашистее и бестолковее, и вы по нашему низкорослому брату обычно сверху вниз лупите. Но чтобы кто-то из наших взял в руки пороховую винтовку и начал использовать священный огонь для позорного убийства!.. Да этого пса самого надо в озере утопить, причем живьем!.. А, ладно, чего попусту гадать — бесполезное это дело. Давайте лучше похороним этих двоих, как подобает, и уедем отсюда. Плохое место, несчастливое. Проторчим тут еще — последнюю удачу растеряем.

Поверьте, если даже непривередливому Убби не нравится, куда вы его завезли, лучше его послушаться.

Складывать погребальный костер нам было не из чего. А тратить на это наши запасы топлива означало надолго лишить себя тепла, света и нормальной пищи. Как быстро, однако, привыкаешь к прелестям цивилизации! Мы пользуемся огнем считанные месяцы, и вот уже сам Убби начинает сомневаться, что для него важнее — достойные похороны мертвых соотечественников или ежедневный хорошо прожаренный бифштекс. И в итоге выбирает... бифштекс! После

чего объясняет свой выбор тем, что нельзя лишать священного зверя Физза его единственной отрады. К тому же Сандаварг не так уж хорошо знал Квасира и Фреки, чтобы оказывать им подобные посмертные почести.

В общем, пришлось хоронить мертвецов по старинке. Пока мы с Сандаваргом копали на мало-мальски сухом участке берега могилы, Долорес и Гуго натаскали булыжников и затем помогли нам соорудить над могилами курганы. Небольшие, но мертвых героев, чьи тела еще вчера плавали в озере, устроят и такие. По крайней мере погибни они не здесь, а на гладиаторской арене, их погребли бы в могилках поскромнее.

А спустя полчаса мы уже катили на северо-восток, к наезженным дорогам, ведущим на Гамбийскую равнину. Но проехали всего ничего, потому что нас поджидал третий за сегодня сюрприз. Он был не такой страшный, как первые два, но именно ему предстояло вновь круто изменить нашу жизнь.

Все началось со странного объекта, замеченного Долорес на горизонте. Объект был величиной с небольшой бронекат и вроде бы стоял на месте, хотя насчет последнего мы вскоре усомнились. Нет, эта штука все-таки двигалась, только медленно — примерно со скоростью пешехода. И она никак не отреагировала на наше появление, продолжая ползти или тоже на северо-восток, или на север.

Встреча с неопознанной хреню не входила в наши планы, пусть мы и двигались с ней одним курсом. Впрочем, уже ско-

ро она перестала представлять для нас загадку. Это был не кто иной, как наш старый, но не добрый знакомый — вакт. И он сильно отличался от тех своих собратьев, что были разбиты нами в битве у Нового Жерла.

Этот вакт не мчался по хамаде и не искал укрытия в скалах. Он брел, едва переставляя ноги, опустив голову и волоча по земле свой огромный, утыканный шипами хвост, будто борону. К спине твари прилип какой-то крупный мусор, но она и не пыталась его сбросить. Походило на то, что пес Вседержителей был на последнем издыхании, что, впрочем, меня не удивило. Напротив, удивило то, как он вообще протянул так долго без пропитания — иногаза, исчезнувшего после того, как рухнули Столпы и проснулись вулканы.

— Фах-х-хт! Мерсхая супастая тфарь! Орутия х пою! — зашипел и забеспокоился Физз. Но его предупреждение запоздало. На сей раз мы заметили угрозу раньше его, правда, лишь потому, что днем ящер был не таким чутким, как ночью.

Вид у вакта был настолько жалкий, что даже Убби не обрадовался этой встрече. Он с детства мечтал сразиться с псом Вседержителей в честном бою, и хоть мы уже не раз сталкивались с ними, северянину еще не выпадал шанс испытать себя в таком поединке. И вот, когда удача наконец-то ему улыбнулась, он стоял и взирал на полудохлое чудовище с такой тоской, что даже был не в силах браниться. Мертвые Фреки и Квасир, и те не повергли нашего друга в уныние,

а бездушной иностальной твари это удалось. Как Сандаварг намеревался теперь с ней поступить, я понятия не имел, а спросить напрямую не решался. Поэтому спросил обтекаемо:

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Убби перевел угрюмый взор с пока еще далекого вакта на меня, тяжело вздохнул и задал встречный вопрос:

— А что вы, перевозчики, делаете с большим или охромевшим зверьем, когда натываетесь на него в хамаде?

— Добиваем, чтобы не мучилось, — пожав плечами, ответил я. — А если зверье полезное, тогда потрошим его и засаливаем впрок мясо.

— Вакта в бочках не засолишь, — глубокомысленно изрек северянин, — но добить его все-таки нужно. Он — достойный враг, мы не раз бились с ним, и я не пройду мимо, глядя, как пес Вседержителей умирает в муках. Сделай остановку, шкипер, позволь мне нанести ему удар милосердия.

— Позвольте не согласиться с вами насчет бочек, мсье Сандаварг! — возразил высунувшийся из моторного отсека Гуго. Ему тоже не терпелось взглянуть на нашего некогда страшного, а ныне жалкого врага. — Как вы помните, убитый вакт взрывается. Но если раньше его полностью уничтожал черный всполох, то теперь, возможно, после смерти от него останется груда первоклассного металла. И я буду не прочь покопаться в ней — как знать, сколько ценного добра там отыщется. Если повезет, мы сможем выгодно обменять

этот уникальный металл на много чего полезного.

— Вы оба правы. Так и поступим, — поддержал я товарищей, пускай их планы и не совпадали. Впрочем, Убби не стал спорить с Сенатором. Северянин уважал вакта как врага, но в богатой добыче, на какую нацелился Гуго, была и доля северянина, от которой он, естественно, не откажется.

Однако когда Убби уже приготовил кистень, а Гуго потирал руки, предвкушая, как он вот-вот покопается у вакта во внутренностях, с мачты неожиданно донесся взволнованный голос Долорес:

— *Caramba, Mio Sol!* Там — человек!

— Человек?! Где?! По какому борту? — переспросил я, оглядываясь вокруг, но не замечая снаружи ни единой живой души.

— Да не в хамаде! — раздраженно бросила впередсмотрящая. — Прямо на спине у пса!.. Видишь?

Я присмотрелся к тому, что принял по ошибке за налипший к вакту мусор...

И верно, никакой это не мусор, а человек! По-видимому, давно мертвый, потому что он не подавал никаких признаков жизни. Каким образом он туда угодил, одному вакту известно. Человеческое тело не было нанизано на шипы, как могло показаться издали, а лежало, застряв между ними. Так, словно некий исполин использовал вакта в качестве щетки для волос, вычесал ею у себя из шевелюры человека, а потом щетка стала ему не нужна, и он ее выбросил.

— Да ведь это тоже северянин! — вскричал Убби, глядящий с мостика на приближающегося вакта. — Точно вам говорю! И я его знаю! Эй, женщина, а ну приглядиись и скажи: у этого человека лысая башка и длинная борода?

— Вроде бы да... Ага, так и есть! — подтвердила сверху Малабонита. — Догадайтесь, на кого он смахивает?

— На домара Тунгахопа! — с ходу угадал я, вот только не испытал от своей проницательности радости.

— На домара Тунгахопа... — мрачно повторил за мной Убби. — Выходит, он тоже дрался на том берегу и проиграл свою последнюю битву... Но как, загрызи меня пес, Тунгахоп угодил на спину вакта?

Малабонита вряд ли расслышала этот вопрос, но следующий ее выкрик тем не менее частично ответил на него:

— Слушайте, тут ерунда какая-то... У Тунгахопа руки и ноги к шипам привязаны! Как это понимать?

— Спроси что-нибудь попроще! — огрызнулся я. И, вывернув штурвал, направил «Гольфстрим» по следу пса Вседержителей...

Мы настигали вакта, а он так и продолжал брести, даже не обернувшись. Я приказал де Бодье сбросить скорость и начал сближаться с монстром на малом ходу. Потом — на самом малом. И сближался до тех пор, пока не наехал вакту на хвост, не забыв, разумеется, за две секунды до этого командовать Гуго «Стоп колеса!». Поэтому истребитель не раздавил пса, а лишь прищемил ему половину хвоста колесом.

В былые времена это не остановило бы вакта, способного отгрызть свои угодившие в капкан конечности. Но издыхающая тварь уже почти ничего не соображала. Дернувшись несколько раз вперед, она покорно остановилась, будто пахущий землю бык, чей плуг уперся в камень. Откусывать себе хвост пес явно не собирался — видимо, смирился со своей участью и приготовился безропотно принять смерть... Хотя кто знает, о чем на самом деле думало умирающее ино-стальное чудовище, забытое своими создателями на чужой планете.

Я опустил трап, и Убби сошел на землю, раскручивая на ходу кистень. Вакт не двигался, а лишь припадал то на одну, то на другую лапу, которые, видимо, подкашивались от слабости. Северянин обошел его и встал напротив морды, но так, чтобы зверь не смог, если что, до него дотянуться. Брат Ярнклот в его руке вращался и гудел, напевая свою привычную боевую песню. Но пес Вседержителей даже не поднял голову, продолжая таращиться в землю своими маленькими мутными глазками.

Вакт не мог притвориться умирающим, чтобы подпустить врага поближе. Мышление иносталльных тварей было слишком прямолинейно и не способно на такие хитрости. Апатия и малоподвижность монстра частично объясняли, как Тунгахоп угодил к нему на спину. Ублюдки, что убили Квасира и Фреки, взяли домара в плен, но решили подвергнуть его еще более позорной и мучительной казни. Сумев, подобно нам,

остановить встреченного в хамаде полудохлого пса Вседержителей, убийцы распяли на нем Тунгахопа живьем. И оставили его медленно умирать, страдая от мысли, что он привязан к вакту — врагу, с которым каждый северянин мечтал однажды сразиться. Вот только ни одному северянину и в голову бы не пришло, что он окончит свои дни в качестве прицепленного к псу живого балласта!

Воистину, смерть легендарного гладиатора-освободителя, домара Тунгахопа, была наполнена невыносимыми муками...

Понаблюдав за вактом вблизи, Убби хмыкнул и заехал ему кистенем по правой передней лапе. Она подкосилась, и этого хватило, чтобы ослабевшее чудовище утратило равновесие. Его левая передняя лапа подкосилась уже без постороннего вмешательства. Пес упал грудью на землю и ткнулся в нее мордой — так, словно отвесил поклон, сдаваясь без боя. Но затем не удержался и в этом положении, подогнул задние лапы и грузно плюхнулся на брюхо.

Сандаварг остановил кистень и толкнул ногой голову вакта. Тот чуть приподнял морду, но снова уронил ее в грязь, даже не попытавшись огрызнуться.

— Спускайтесь! — позвал нас северянин. — И прихватите ножи и носилки! Надо снять тело и тоже похоронить его, как подобает.

Мы взяли все, что он просил, но едва сошли с трапа, как взобравшийся на спину вакта Убби вдруг вскричал:

— Вот песья задница! Да ведь он еще жив! Эй, где вас носит?! Быстрее сюда!

И на сей раз Сандаварг имел в виду вовсе не пса Вседержителей...

Пути Тунгахопа оказались чрезвычайно крепкими — палачи явно опасались, как бы жертва не разорвала веревки и не пустилась за ними в погоню. Пока мы освобождали домару лодыжки, Убби разделался с веревками у него на запястьях. И когда Тунгахоп был спущен с вакта и уложен на носилки, он — хвала богине Авось! — действительно еще дышал, и у него прощупывался пульс. Затащив его на бронекат, мы первым делом окатили его водой и попробовали напоить. Получилось не очень. Домар попытался глотать, но вода вытекала у него изо рта. Конечности его судорожно подергивались, и было неясно, к добру это или нет. Тунгахоп страдал от обезвоживания и нескольких глубоких, но вроде бы не смертельных ран (по крайней мере все они успели покрыться коростой и не кровоточили), но кто знает, возможно, у него имелись и внутренние повреждения. Только как это выяснить, если он не желал приходить в сознание?

Поить пациента насильно мы побоялись — а вдруг захлебнется? Дождаться, пока он очнется сам, тоже было неразумно. Чем быстрее мы узнаем, что у него болит, и поможем ему, тем лучше. Я снова взялся за ведро с водой, собираясь облить Тунгахопа повторно, но Убби удержал меня от этого. И предложил новый, еще не опробованный нами способ ре-

анимации:

— Эй, хватит разводить тут грязь! А ну давай, тащи сюда «мозгобойку»! Сейчас мы поставим этого старика на ноги!

— «Мозгобойку»? — Я опешил. — Ты уверен, что она поставит Тунгахопа на ноги, а не вышибет из него последний дух?

— Уверен на все сто! Надеюсь, ты не вылил эту дрянь за борт после того, как она настучала нам тогда по мозгам?..

«Мозгобойку», которую де Бодье называл скучным научным термином «этиловый спирт», мы приобрели проездом в одном мелком городишке. Там, идя в ногу с прогрессом, самогон гнали едва ли не в каждом доме. И продавали по такой смешной цене, что было грех не приобрести несколько канистр этого экзотического пойла.

Его дегустация на очередном вечернем привале вылилась в полное непотребство.

Всем нам не раз доводилось в жизни напивался до полного бесчувствия. Но еще никогда это не случилось с нами так быстро. Вкус у «мозгобойки» — так мы прозвали ее на следующее утро — был отвратительный. Она обжигала горло и не хотела задерживаться в желудке, все время норовя выйти обратно. И в конце концов вышла! Вместе с закуской, и тогда, когда мы уже плохо себя контролировали. Ладно, хоть не натворили глупостей и не спровоцировали Убби на драку. Все ограничилось лишь громкими песнями, плясками, заблеванной палубой и засыпанием там, где кого угораздило

упасть и отключиться.

Словами не описать, как же раскалывались наутро наши похмельные головы! Целую неделю мы стеснялись смотреть в глаза трезвеннику Физзу, который весь вечер взирал на наше обезьянничество и слушал пьяные вопли. Старый ящер героически вытерпел все это, а наутро выдал такое, что я еще ни разу в жизни от него не слышал:

— Шуткое сфинстфо! Не топщитесь по плефотине, сучины тети! Шхиперу польше не налифать! Опять хоманта пить фино, крищать, палуа фаляться! Щелофек — хлупый сферь! С топрым утром, лопотрясы! Фсем похмеляться!

Не помню, чтобы я учил Физза подобным речам, а значит, он воскресил в памяти уроки моего отца или деда. Очевидно, они тоже закатывали по молодости на «Гольфстриме» гулянки, которые отложились в памяти ящера на всю его долгую жизнь.

Одна из малоизвестных мне страниц семейной истории Проныр...

Похмелившись — хотя вливать в себя наутро «мозгобойку» было сущим кошмаром, — мы дали зарок отныне не притрагиваться к ней. И с той поры держали слово, довольствуясь привычным вином и пока непривычным, но безобидным пивом. А канистры с коварным спиртом запрятали в трюм и больше не желали о них вспоминать...

Плеснув в ковшик «мозгобойки», Сандаварг велел нам с Долорес приподнять Тунгахопа и удерживать его в таком по-

ложении. Затем разжал домару челюсти, а ноздри, наоборот, зажал и вылил ему в рот грамм двести «лекарства». При чем сделал это так ловко, что спирт сразу же весь до капли попал пациенту в нужное горло.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом домара заколотила крупная дрожь, и его тело напряглось так, что на нем вздулись все мускулы. Голова Тунгахоба тоже затряслась, а изо рта слышался рык.

— Назад! — скомандовал нам Убби и сам отскочил от Тунгахоба на пару шагов. Мы с Малабонитой последовали его примеру, и вовремя. Брошенный нами пациент должен был упасть и стукнуться макушкой о палубу, но этого не случилось. Наоборот, он резко качнулся вперед и вскочил на ноги. Однако не сумел удержать равновесие и тут же рухнул на колени. После чего выпучил глаза так, что они едва не вывалились из орбит, грохнул кулаком по палубе, передернул плечами и рывкнул:

— Еще!..

Глава 4

Сандаварг снова поднес Тунгахопу ко рту ковшик и помог жаждающему не расплескать его содержимое. Домар пока не сообразил, где он находится и кто его угощает, но жадно выхлебал остатки «мозгобойки» тремя огромными глотками. Затем отпихнул пустой ковш, потряс головой, крикнул и снова начал вставать на ноги.

Несмотря на то что в Тунгахопу было влито пол-литра спирта, вторая его попытка принять вертикальное положение увенчалась успехом. Он опять закачался, но уже не упал, а, увидев поблизости мачту, добрал до нее и прислонился к ней. И лишь теперь смог наконец-то осмотреться и сообразить, что почем.

— Сандаварг?! — прохрипел седобородый воин, то и дело срываясь на кашель и обводя палубу ошалелым взглядом. — Проныра?! Вы?! Но почему?.. И где?.. Да ведь мы!.. А я!.. Будь оно все проклято!

— Ты как, в порядке? — с опаской поинтересовался Убби у воскресшего соотечественника. Неуверенность Сандаварга объяснялась просто. Вид у Тунгахопы был не столько страдальческий, сколько безумный. Кто знает, все ли в порядке у него с мозгами и не набросится ли он на нас, приняв сторяча друзей за врагов.

— Я?! — Тунгахоп покрутил у себя перед носом трясущ-

щими руками, потом пошевелил ногами и заключил: — Да вроде живой! Хотя... Плесни-ка мне еще своей злой браги, тогда скажу точно.

— Хватит тебе на первый раз, — отрезал Убби, помня по собственному опыту, чем опасна передозировка «мозгобойки». — Если нас вспомнил, руки двигаются, ноги не подкашиваются и брюхо не продырявлено, уже хорошо. Тебе сейчас не браги, а воды надо глотнуть. Да и пожрать не помешает... Как долго ты вообще на вакте проездил, не помнишь?

— Воды... Пожрать... — повторил за ним домар, видимо, разобрав лишь те слова, какие волновали его сейчас больше всего. — Да, ты прав: воды и пожрать! Воды и пожрать! Хорошая мысль! Это да... Это надо...

Сандаварг подал нам знак, и мы с Малабонитой сбегали в трюм за холодной питьевой водой и остатками вчерашнего ужина. А когда мы вернулись, Убби с Гуго уже усадили Тунгахопу возле мачты на свернутое одеяло и дали ему полотенце, чтобы он обтерся после купания, какое я ему перед этим устроил.

Домар не ответил, сколько времени он провисел распятым на спине вакта, но, судя по его аппетиту, — не день и не два. Мы не отвлекали его, позволив мученику спокойно поесть и восстанавливать силы. Пол-литра выпитого натошак спирта, что оказали бы на здорового северянина отнюдь не целебный эффект, на избитого и ослабевшего Тунгахопу повлияли совершенно иначе. Сандаварг сейчас на его месте горла-

нил бы песни, грязно бранился и шатался из стороны в сторону, а домар, напротив, успокоился и ощутил интерес к еде. Его взор заблестел, дрожь прекратилась, а движения стали уверенными и точными. Блевать его тоже вроде бы не тянуло, хотя делать на сей счет точные прогнозы было, конечно, нельзя.

Воскресший Тунгахоп мог бы, наверное, проглотить за раз быка. Но он успел съесть не так уж много, поскольку вскоре начал клевать носом и в конце концов снова отключился с недоеденным куском мяса в руке.

К счастью, это был не обморок, а обычный здоровый сон, с богатырским храпом и присвистом. Убедившись, что домар заснул, Малабонита убрала еду, а Гуго принес еще одеял и подушку. После чего мы уложили Тунгахопа там же, где он сидел, и оставили его в покое. Пусть отсыпается сколько влезет. Это пойдет на пользу и ему, и нам, так как быть при нем сиделками у нас отсутствовало всякое желание. Жаль только, что он заснул, не успев поведать о своих злоключениях, ну да ладно. Все равно выслушивать его историю и обсуждать ее нам было пока недосуг. Требовалось срочно решать судьбу пойманного вакта, оставить которого в покое было бы благородно, но абсолютно непрактично. Мы были не в том положении, чтобы бросить посреди хамады несколько тонн высококачественной иностали. Этого мне не простили бы ни моя команда, ни духи моих предков, чьими заветами я в последний год и так постоянно пренебрегал.

Правда, иносталь эту следовало сначала добыть и превратить в транспортабельное сырье. Чем мы и занялись сразу, как только Тунгахоп наелся и захрапел.

Вакт по-прежнему лежал, будучи не в силах подняться на ноги. Нам был известен как минимум один проверенный и экономичный способ его уничтожения. Тот самый, что однажды с успехом опробовала Малабонита: стрела в ноздрю. Она протыкала дыхательный клапан, после чего дыхательная система пса выходила из строя, и тот погибал. Но сейчас, как назло, вакт уткнулся мордой в грязь. И выстрелить ему в нос было проблематично, поскольку для этого требовалось приподнять ему голову, а она весила добрых полтонны.

Однако хвала прогрессу — он подарил нам еще один способ умерщвления пса Вседержителей. Правда, уже не такой экономичный. Но мы понадеялись, что окупим затраты сторицей, если, конечно, здесь действительно будет чем поживиться. Вдобавок нам не терпелось испытать кое-что из недавних покупок, раз уж сегодня для этого выдался подходящий повод.

Пока мы с Убби разгребали лопатами грязь, откапывая одну из ноздрей чудовища, Гуго приготовил самую маломощную осколочную гранату, а Малабонита отмотала несколько метров огнепроводного шнура. Его мы приобрели у тех же оружейников, и де Бодье уже замерил скорость, с какой он горит. Длинный фитиль должен был позволить нам отогнать бронекат на безопасное расстояние. Взрыва самой гра-

наты мы не боялись. Нас беспокоил мертвый вакт. По опыту мы знали, что их трупы взрываются не сразу, а примерно через полчаса после гибели. Но все умерщвленные нами ранее псы были нормальными и технически исправными. Насколько сбилась программа самоликвидации у этого изношенного механизма, мы понятия не имели. И потому решили подстраховаться.

Граната была заброшена вакту в нос, ее фитиль подожжен, и «Гольфстрим», съехав с хвоста чудовища, помчался прочь. Почувствовав свободу, оно попыталось подняться на ноги, и ему это даже удалось. Но едва оно сделало первый шаг, как раздался глухой хлопок, и из ноздрей вакта вырвалось пламя.

Голова пса уцелела, но сам он снова рухнул, только теперь на бок, и больше не пошевелился. А мы продолжали удаляться от него, собираясь наблюдать грядущий «фейерверк» издали.

Мертвый вакт не позволил нам отъехать так далеко. Опасения подтвердились: программа его самоуничтожения сработала раньше срока. Когда это случилось, мы отъехали примерно на километр, чего, в принципе, оказалось достаточно. Вместо ожидаемого буйства огня, столпа дыма и раскатистого грохота мы увидели лишь скромную огненную вспышку и слышали довольно-таки заурадный гром. Зрелище было так себе, но мы не огорчились. Напротив, облегченно вздохнули, поскольку не горели желанием собирать разбросанные

взрывом останки вакта по всей окрестной хамаде.

Ожидавшая нас добыча представляла собой россыпь раскаленных иностальных деталей и дымящихся обрывков искусственной шкуры. Обрывки эти — легкие, эластичные и невероятно прочные — также могли на что-нибудь сгодиться. Ну а не сгодятся, значит, будут проданы тому, кто найдет им применение.

Сбор иностали, ее сортировка и сдирание шкуры с тех обломков, откуда ее не содрало взрывом, продолжались до темноты. Поэтому и ночевать мы остались здесь же. Больше всех радовался трофеям де Бодье, что наконец-то добрался до внутренностей вакта и дотошно их исследовал. Даже за ужином, когда все просто валились с ног от усталости, Гуго продолжал вертеть в руках какие-то железяки. Он все время перебирал их, то скрепляя друг с другом, то снова разделяя, и пытался понять принцип, по какому они взаимодействовали.

Задача эта оказалась не для средних умов. Крупные детали в теле иностального монстра полностью отсутствовали. Все оно сплошь состояло из хитросплетения мелких и подвижных частей, среди которых не было ни одной одинаковой. Большинство из них стыковались между собой посредством всевозможных замков и зажимов. Терпения у нашего любителя технических головоломок было в избытке, и порой ему удавалось сконструировать весьма любопытные штуковины. Само собой, бесполезные. Но кое-какие из них Гуго

не разбирал, а откладывал в сторону, планируя в будущем сконструировать из них что-нибудь дельное. Учитывая, что мы стаскали в трюм аж несколько тонн этого добра, де Бодье было теперь чем занять себя в свободное время.

Больше всего хлопот нам доставила не иносталя, а обрывки шкуры. Нож резал их с большим трудом, и разделять ее было той еще пыткой. Пришлось орудовать пилой по металлу, предварительно нагревая место распила факелом. Нагретая шкура становилась мягкой и податливой, но возни с ней все равно хватало. Ладно, хоть работа была без крови и вони — куда приятнее потрошения и ошкуживания обычного зверья. Да и отходов после разделки вакта почти не осталось — в хозяйстве у де Бодье каждая мелочь была востребована.

Тунгахоп проспал беспробудно весь день, последующую ночь и продрал глаза лишь спустя сутки, когда мы уже полным ходом катили на северо-восток.

Пробуждение домара было не рядовым событием. Поэтому я решил отступить от графика и устроил внеочередной привал. То, о чем Тунгахоп нам поведаст, было не просто трагической историей, какой мы можем лишь посочувствовать. В большей или меньшей степени она касалась и нас. В любой момент мы могли нарваться на врагов Тунгахопа. И мне хотелось узнать о них поподробнее, поскольку будет обидно, если они застанут нас врасплох так же, как сквад нашего товарища...

Отоспавшийся и малость оклемавшийся домар был мрач-

нее тех туч, что опять заходили по небу, обещая пролиться на наши головы «грязным дождем». Тунгахоп явно не отказался бы выхлебать еще ковшик-другой «мозгобойки». Однако он понимал: мы не позволим ему напиться, пока не зададим все интересующие нас вопросы. Мы в свою очередь пошли на компромисс и поднесли страдальцу не ковшик, а кружку спирта. Исключительно для того, чтобы у домара прошла головная боль и развязался язык. Не хотелось бы вытягивать из него клещами каждое слово, ведь не зря говорят в народе, что проще разговорить валун, нежели страдающего от похмелья северянина.

— Зря вы не дали мне издохнуть, — проворчал Тунгахоп, осушив кружку и приступая к завтраку. По нашим часам — позднему, поскольку перевозчики обычно завтракают еще до рассвета. — А может, не зря, раз руки-ноги целы и голова вроде бы соображает... По крайней мере глотки я резать еще в силах и до той, которая мне нужна, доберусь! Даже если придется ползти к ней на брюхе черед всю Атлантику! Даже если!..

— Мы нашли Фреки и Квасира. Оба мертвы, — перебил я домара, опасаясь, как бы гнев не застил ему рассудок и не сорвал нашу едва начатую беседу. — Судя по всему, их зарубили в бою, а потом утопили в озере, что находится в сотне километров юго-западнее отсюда. Если бы не позавчерашнее наводнение, что вынесло тела Фреки и Квасира на берег, они так и лежали бы на дне, и мы не похоронили бы их со всеми

почестями.

— Отраднo это слышать, — кивнул Тунгахoп, чья ярoсть была вoвремя погашена доброй вeстью. — Ничегo не знaю прo вaше нaводнение, нo жaль, чтo oнo не выбрoсило нa бeрег тeлa Тура и Херлуфa. A мoжет, тoжe выбрoсило, дa вы их прoстo не нaшли. Я пoмню тo прoклятoе oзeрo. Нe тaкoe уж oнo мaленькoe. Я бы eгo и зa двa дня пeшкoм нe oбoшeл.

— Ты тoчнo знaeшь, чтo Тур и Херлуф мeртвы? — пeрeспрoсил Сaндaвaрг. — Вoзмoжнo, oни вce-тaки выжили и сeйчaс пoтaкуются тeбя рaзыскaть.

— Тaк жe тoчнo, кaк и тo, чтo ты сидишь прaмo пeредo мнoй, — увeрeннo oтвeтил дoмaр. — Всeх их прикoнчили нa мoих глaзax, a зaтeм выбрoсили в oзeрo. И мeня бы в кoнцe кoнцoв спрoвaдили тудa жe. Вoт тoлькo я нe тoпoрoм пo зaтылкy пoлучил, a aрбaлeтнoм бoлтoм с кaучукoвым нaкoнeчникoм — тaким жe, кaким в мeня кoгдa-тo рaбoтoрoгoвцы стрeляли!.. Клaн Хaугoв, будь oн нeлaдeн, нe прoстил мнe oдну дaвнюю рeзнию и дo сих пoр пeдлaгaeт зa мoю гoлoву щeдрую нaгрaду. Вoт этoт пeс Виллрaвeн и зaхoтeл взятъ мeня живьeм, чтoбы с мoей пoмoщью купитъ сeбe прoщeниe у сeвeрных клaнoв.

— Виллрaвeн?! — Нa лицe у Убби пoявилoсь вырaжeниe стoль рeдкoй для нeгo рaстeряннoсти. — Сaм Кирк Виллрaвeн — дoмaр крoпнeйшeгo в Атлaнтикe сквaдa нaeмникoв?! Кaкoгo псa этoт бeрсeрк вздумaл якшaться с сeвeрными клaнaми?

— На Севере сегодня творится то же дерьмо, что и на Юге. Талые озера, которые пересохли сто лет назад, быстро наполняются и выходят из берегов. Пока что путь воде преграждает каньон Чарли Гиббса. Но рано или поздно он наполнится доверху, и даже последним отморозкам, вроде Хаугов, придется волей-неволей отступать на юг. То есть в земли, где сегодня промышляет сквад Кирка. И тогда ему несдобровать, ведь ты в курсе, что совет Северных Кланов его недолюбливает. У Виллравена не хватит людей, чтобы выиграть войну даже с одним кланом, а с несколькими — тем более.

— Не только совет Кланов его ненавидит, — кивнул Сандаварг. — Виллравен и в Атлантике у многих из нас стоит поперек горла... Так, значит, он хочет любой ценой помириться с северными кланами, пока те не ушли со своих земель и не вторглись на землю Кирка?

— Верно! И ему нужен не простой мир. Этот берсерк хочет, чтобы Ялмар Хауг и другие вожди приняли его на равных, ни больше ни меньше. Да, у Виллравена нет своего клана. Но, согласно традициям, домары крупнейших и влиятельных сквадов могут войти в совет наравне с вождями. Сквад у Кирка и раньше был немаленький, а при нынешней смуте у него подавно нет проблем с пополнением.

— Ну и запросы у ублюдка, как я погляжу! — хмыкнул Убби. — Одно не возьму в толк: если ты был для него так ценен, зачем он бросил тебя подыхать посреди хамады?

— Бросил сразу, как только понял, что в тот день ему до-

стался более ценный пленник, чем я, — ответил Тунгахоп и побагровел от злобы. — Настолько ценный, что Кирку сразу расхотелось со мной возиться.

— Ты говоришь о Владычице Льдов? — оживилась Малабонита.

— О ней, разумеется, о ком же еще? — буркнул домар. И, заметив, как мы встрепнулись, недоуменно любопытствовал: — А чему вы удивляетесь? После того как Владычица вернулась от Нового Жерла, мы продлили с ней контракт еще на год. И оберегали ее до тех пор, пока не столкнулись со сквадом Виллравена. Даже когда все прихлебатели королевы, включая самого адмирала Дирбонта, от нее отвернулись, мы продолжали выполнять свою работу... Э, да что я вам об этом рассказываю! Вы же сами побывали в такой истории, когда работали на табуитов. Я, Тур, Квасир, Фреки, Херлуф и несколько верных королеве слуг — вот и все, кто вызвался сопровождать ее, когда она растеряла власть, осталась в одиночестве и решила бежать на север.

— Весьма любопытно, что ее туда гнало? — поинтересовался де Бодье.

— Вы разве не в курсе, что Владычица ждет ребенка? — ответил вопросом на вопрос Тунгахоп.

Разумеется, мы были в курсе. Однако это не объясняло нам, почему королева Юга, будучи в положении, вдруг вздумала отправиться в столь опасное путешествие.

— ...Мы должны были посетить несколько городов, —

продолжал домар. — Тех, чьи власти поддерживали в прошлом с Владычицей хорошие отношения. Она хотела найти себе убежище на ближайшие пару лет, пока младенец подрастет и окрепнет. Само собой, что она боялась просто так заявиться к градоначальникам. Во всех городах, где мы побывали, нам приходилось быть очень осторожными. Владычица, слуги и мой сквад разбивали лагерь вдали от города, а я под видом ищущего работу наемника ходил туда на разведку. Вынюхивал, что да как, не сменилась ли власть, о чем болтают в народе, как сильно горожане озлоблены на южан, и все в таком духе...

— И везде — безуспешно, — заключил я.

— Было бы успешно, я бы здесь с вами не сидел, — развел руками Тунгахоп. — У Владычицы были при себе деньги. Столько, что раньше их хватило бы нанять дюжину бронекатов, но кому сегодня нужны эти бесполезные монеты? А иной оплаты мы перевозчикам предложить не могли. Да и опасно было с ними связываться — а вдруг узнают? Вот мы и передвигались на двух неприметных конных повозках. Королева и слуги переоделись в обычных беженцев, которые якобы согласились перевезти нашу поклажу в обмен на то, что мы защитим их от бандитов. Обычные бандиты нас и не трогали — убегали сразу, стоило мне только рявкнуть. Однако Виллравена, сам понимаешь, на испуг не возьмешь. Мы ни словом не обмолвились, кого сопровождаем, но кое-кто из сквада Кирка уже слышал историю о Тунгахопе, который

вызволил из южного плена братьев-северян и нанялся телохранителем к самой Владычице Льдов. А поскольку о ее исчезновении тоже везде болтают, у Виллравена хватило ума присмотреться к тем людям, каких мы сопровождали. Издали они еще походили на фермерское отродье, но вблизи такие чистоплюйские рожи не спрятать даже под слоем грязи... Наша проклятая слава нам же и отрыгнулась! Вот так-то, братья!

Я вспомнил, как совсем недавно наша мрачная известность тоже едва нас не погубила, и сочувственно кивнул.

— И что Виллравен намерен делать со своей драгоценной пленницей? — спросила Малабонита. — За ее голову эти, как их... Хауги тоже готовы отвалить награду?

— Это мне неизвестно, — признался домар. — Зато известно, что теперь буду делать я: догоню и прикончу мерзкого берсерка! Или, на худой конец, дюжину его братьев по скваду.

— В одиночку, мсье?! — изумился Сенатор.

— Я слишком долго пробыл на Юге и растерял здесь все дружеские связи, — ответил Тунгахоп. — А если бы не растерял, разве мне по силам отыскать в таком бедламе кого-то из старых друзей?

— Даже если ты и впрямь доберешься в одиночку до глотки Виллравена, Владычицу тебе не спасти, — рассудил я.

— Что ж, значит, так тому и быть... — Домар обреченно вздохнул. — Придется выбирать: или спасать нанимате-

ля, или мстить за свой погибший сквад. Но пока жив Кирк, первое мне не удастся. Если же он умрет, а я выживу, возможно, мне повезет помочь Владычице. Нулевой шанс против одного вероятного и одного сомнительного... Не знаю, как вам, а для меня выбор очевиден.

— Почему Кирк передумал брать тебя с собой, мне понятно, — заметил Сандаварг. — Даже в кандалах ты — большая угроза не только для него, но и для его важной пленницы. Если она вконец отчаится и прикажет тебе избавить ее от страданий, ты из кожи вон вылезешь, чтобы помочь ей, ведь тебе совершенно нечего терять... Ты — ценный пленник, но Владычица гораздо ценнее, да к тому же слабее и покладистее... Мне непонятно, почему Виллравен не прикончил тебя вместе с твоими братьями, а зачем-то устроил этот цирк с вактом?

— Могу догадаться, почему. — Вопрос Убби не поставил Тунгахоба в тупик. — Когда умирал старый Сигурд Хауг, чьих двух сыновей-близнецов я зарубил в битве у Исландского плато, он пожелал, чтобы я умер смертью не воина, а бродяги...

— То есть от голода и жажды и без погребения, — пояснил для нас Сандаварг.

— ...Кирк тоже слышал об этом, — продолжал домар. — И раз уж он предпочел не рисковать, таща меня на край света вместе с Владычицей, он решил хотя бы уважить предсмертную просьбу старика Хауга.

— И что бы Виллравен при этом выиграл? — осведомился я.

— Кирк — берсерк и отщепенец, но его слово среди северян кое-что стоит. И если он поклянется Хаугам, что в точности исполнил волю их предка, его клятву не сочтут пустым звуком. Тем более что воины Кирка видели мою казнь и готовы головой поручиться за правдивость слов своего домара. Это, конечно, будет уже не столь щедрый подарок, как если бы Виллравен пригнал меня Хаугам живьем. Но ему зачтется и такая услуга... Если бы ублюдкам не подвернулся тот полумертвый вакт, они просто приковали бы меня к скале и бросили подыхать. Но приковать меня к псу Вседержителей показалось им куда более забавной идеей. Сквэд Кирка ликовал и гоготал так, что у меня до сих пор в ушах звенит. А я поклялся им, что если мне вдруг повезет выжить, при нашей следующей встрече они будут так же громко визжать от боли! И я постараюсь, чтобы их вопли долетели до ушей самих Хаугов!... Кто бы мог подумать, что благодаря вам я и впрямь не издохну! Теперь я у вас в огромном долгу, вот только вряд ли сумею его вернуть. Могу лишь пообещать, что не стану для вас обузой. Подбросите меня до Сенегальского перевала, ну а дальше я сам разберусь. Мимо этого места Виллравен не мог пройти, и там наверняка отыщутся его следы.

— Погоди, дружище, не гони! Ишь, какой шустрый! — возмутился Убби. Без злобы, но с плохо скрываемой обидой в голосе. — Что значит «сам разберусь»? Неужели ты ре-

шил, что Убби Сандаварг пропустит такую славную драку?! Разве ты не помнишь, кем был для нас покойный Дарио Тамбурины и на что мы ради него готовы пойти?

— Само собой, помню. Как такое можно забыть! — нахмурившись, ответил Тунгахоп. Было заметно, что он пожалел о брошенных им сгоряча словах, пускай даже он хотел нас всего лишь отблагодарить.

— И тебе, конечно, известно, чьего ребенка носит Владычица Льдов? — продолжал свой укоризненный допрос Сандаварг. Домар подтвердил и это. — Тогда почему ты говоришь, что твои нынешние проблемы — не наше дело?

— Я такого не говорил, — возразил Тунгахоп и был, в общем-то, прав. — Я сказал лишь то, что несправедливо вам расплачиваться за мои ошибки. Вы для меня так много сделали, поэтому будет нечестно втягивать вас в мою войну.

— Позволь нам самим решать, что честно, а что нет, — отрезал Убби. — Дарио Тамбурины не просил нас позаботиться о его ребенке, ведь он был полностью уверен, что с такой матерью их младенцу ничего не грозит. Так оно до недавних пор и было. И все же Дарио ошибся. Но покажи мне того, кто хотя бы раз не ошибался в жизни? Однако, если бы Дарио предвидел, что все обернется так дерьмово, неужели он не взял бы с нас подобную клятву?

Сказав это, северянин обвел нас суровым вопрошающим взглядом, как будто и впрямь надеялся найти несогласных.

Таковых не было, а вот нерешительные и сомневающиеся

имелись. Даже Малабонита, которую по молодости лет порой тянуло на безрассудные поступки, глядела на Убби в легком замешательстве. И немудрено. Всего полгода, как мы вернули себе честное имя и зажили прежней жизнью вольнонаемных перевозчиков, и вдруг снова вляпались в неприятности. Или, вернее, еще не вляпались и потому пребывали в растерянности. Вот если бы неприятности уже обрушились на нас, тогда и думать нечего — или беги от них сломя голову, или борись с ними. Но чтобы мы добровольно ввязались в драку, не только ничего при этом не заработав, но и нажив себе новых могущественных врагов... Такое было обычным делом для Сандаварга, но не для нас, даром что мы побывали вместе с ним в уйме передраг.

И все же Сандаварг был прав. Прав на сто процентов. Сколько раз мы называли Дарио своим другом — и когда он был жив, и после его гибели? И как бы мы выглядели после этих громких слов — а ведь мы произносили их совершенно искренне! — зная, что над еще не родившимся ребенком Тамбурины нависла угроза, и даже не попытавшись его спасти?

Пусть недолго, но Дарио был членом моей команды, таким же как де Бодье. Неужели я отказал бы Сенатору в помощи, попроси он, к примеру, вызволить из беды кого-нибудь из своих родственников (согласен, дурацкий пример, поскольку вся родня Гуго давно на него начхала, но неважно)? Конечно, не отказал бы! А значит, я не откажу и Там-

бурини, тем более что сам он не может заступиться за мать своего ребенка.

— Мы поможем тебе, домар! — поддержал я Сандаварга, которого уже начинало раздражать наше молчание. — Но только при одном условии: ты не будешь ничего предпринимать, не посоветовавшись с нами. Это касается и тебя, Убби. Понимаю, что мы многим обязаны нашему другу Дарио. Но если выяснится, что Владычицы Льдов или их ребенка уже нет в живых, я, Малабонита и мсье де Бодье не станем учинять Виллравену вендетту и отстраняемся от дела. Погибать ради погибших не в наших правилах. Раз уж мы ничем им не поможем, то будем чтить их память, продолжая жить дальше... Вас это устраивает?

— Устраивает, — подтвердил Сандаварг. Он был знаком с нашими гибкими жизненными правилами. И давно смирился с тем, что мы вступаем в бой лишь при крайней необходимости, будучи зажатыми в угол. — Просто помогите нам с домаром настичь Кирка, ну а кишки мы ему как-нибудь без вас выпустим.

— Ты хороший человек, шкипер, — поддержал сородича Тунгахоп. — Иного ответа я от тебя и не ожидал. Само собой, вы и Сандаварг будете первыми узнавать о моих планах. А я — прислушиваться к вашим идеям, если они у вас появятся. Только вам решать, как далеко вы со мной пойдете: до конца или нет. И если нет, клянусь, я несколько не обижусь. Вы уже сделали для меня так много, что я, скорее, от-

режу себе язык, нежели упрекну вас хоть в чем-то. Мое слово!.. Ну а теперь, раз мы с вами заключили договор, предлагаю скрепить его ковшиком «злой браги». — И, глянув на наши вмиг посуровевшие лица, насторожился: — Что? В чем дело? Только не говорите, что вчера я сдуру выхлебал все ваши запасы! Если так, я себе этого никогда не прощу!..

Глава 5

Уверенность Тунгахопа в том, что он отыщет на Сенегальском перевале следы Виллравена, была оправдана. Этот перевал по-прежнему служил единственными воротами, через которые можно было попасть из юго-восточной Атлантики в северо-восточную и обратно. С востока этому мешал крутой выступ Африканского плато. С запада — горы Сьерра-Леоне. Правда, их можно было объехать с другой стороны, по предгорьям Срединного хребта, но этим занимались в основном караванщики и перевозчики, что по какой-либо причине избегали наезженных дорог. Они рисковали и теряли уйму времени, продираясь через скальные лабиринты, лишь бы не попадаться на глаза другим путешественникам. Ну а кому бояться было нечего, те катили напрямик через Сенегальский перевал, чьи пологие склоны легко преодолевали даже танкеры.

Впрочем, с приходом новой эпохи кое-что здесь все-таки изменилось. Столп, что прежде торчал на континентальном выступе, рухнул прямо поперек перевала. И перекрыл бы его непреодолимым барьером, если бы не горы Сьерра-Леоне. Они и спасли Сенегальские ворота. Верхняя часть башни Вседержителей упала на горные вершины, ее основание так и осталось на плато, а середина нависла над перевальной впадиной, словно исполинская балка. Мощные обвалы, что

сошли при этом с плато и гор, сузили проезжую часть перевала почти в четыре раза. Но не настолько, чтобы на нем не могли разъехаться танкеры.

Последнее я, разумеется, определил на глазок, поскольку водовозы по Атлантике давно не ездили. Чего нельзя сказать о бронекатах поменьше. Их возле Сенегальских ворот наблюдалось достаточно много. Даже подозрительно много, беря во внимание, что до сей поры я еще не наблюдал здесь таких скоплений техники.

Мы уже не раз слышали о том, как тот или иной путешественник отказался пересекать перевал и поехал в объезд только потому, что испугался проезжать под упавшим Столпом. Все эти истории казались лишь забавными байками до тех пор, пока я своими глазами не увидел лежащую поверх горных вершин титаническую иностальную балку. Окажись горы и континентальный выступ вдвое ниже, Столп раздавил бы их до основания, словно камнедробильный молот — булыжники. Но он лишь уполовинил свои нынешние опоры, раскрошив им верхушки на миллионы тонн щебня.

Башня завалилась полгода назад, но со склонов придавленных ею гор все еще скатывались камни и сходили оползни. Сам же Столп продолжал медленно деформироваться и разрушаться под своим весом. То и дело над перевалом разлетался протяжный гул огромных гнущихся металлоконструкций, от которого у меня кровь стыла в жилах. Да что я — даже неустрашимые северяне ощущали себя в эти мгнове-

ния неуютно. Заслышав стон поверженного колосса, Убби и Тунгахоп замирали на месте и напряженно таращились вперед, будто опасаясь, что Столп сорвется с опор и покатится прямо на нас.

Что ж, теперь понятно, почему так много караванщиков и перевозчиков поставили на этой дороге крест. Чем ближе мы подъезжали к перевалу, тем сильнее нас охватывали страх и беспокойство. Горы, на какие опиралась громадина, казалось, были готовы рассыпаться от одного лишь грохота проезжающего мимо бронеката. Желание развернуться и умчаться отсюда прочь становилось нестерпимым уже на подъезде к Сенегальским воротам. Что же будет, когда мы въедем на перевал и окажемся под нависающей над нами «балкой»? И раньше Столпы повергали меня в благоговейный трепет, но сегодняшний ужас не шел с теми страхами ни в какое сравнение.

Но куда деваться? Не делать же и впрямь из-за этого крюк в пару тысяч километров! Ничего, мы к ужасам привычные. Тем более, я знал, что до меня здесь проехали сотни бронекатов. И коленки их шкиперов тоже наверняка тряслись от страха, но они не поддались панике и преодолели этот рубеж. А значит, и я его преодолею. Если, конечно, не умру в ближайшие два-три часа от разрыва сердца.

На подъезде к южному склону перевала стояли восемь бронекатов: четыре сухогруза, три буксира и один штурмовик. Команда последнего явно состояла из дезертиров-южан.

Само собой, ни флага, ни гербов Владычицы на нем уже не наблюдалось. Причем гербы были отскоблены с бортов так тщательно, что от них не осталось и следа. Возможно, я даже знал кого-то из дезертиров, если они воевали при Новом Жерле, помогая нам с Дарио готовить решающий удар. Однако я предпочел к ним не соваться. Кто знает, кем считают нас теперь беглые солдаты Юга: все еще друзьями или врагами. Вместо этого я направил «Гольфстрим» к одному из сухогрузов — «Принцессе Экватора». В прошлом мы не раз встречались на просторах Атлантики, поскольку предпочитали одни и те же маршруты, и я был немного знаком с его шкипером — Пименом Цирюльником. И если здесь недавно побывал сквад северян, Пимен уж точно заметил их шумную компанию.

Прежде Пимен не производил на меня впечатление человека, что испугался бы ехать по нынешнему Сенегальскому перевалу. И, тем не менее, «Принцесса Экватора» стояла в паре километров от ворот, и я не видел, чтобы ее команда занималась каким-нибудь ремонтом.

— Проныра?! Ты ли это?! Не может быть! — удивился Цирюльник, когда я остановил истребитель рядом с сухогрузом и окликнул его шкипера. При нашем приближении его команда похватила оружие и разбежалась по боевым постам. Вполне разумная предосторожность. В последний раз Пимен видел «Гольфстрим», когда тот еще был обычным мирным буксиром. Неудивительно, что Цирюльник его не узнал. Да

хоть бы и узнал, не те нынче времена, чтобы доверять своим глазам. Мало ли кто раскатывал по Атлантике на бронекате Проныры Третьего, в то время как сам я мог давно быть трупом и гнить где-нибудь в песках хамады.

— Здорово, Пимен! — поприветствовал я собрата-шкипера, который подобно мне также не собирался отказываться сегодня от привычного заработка. — Ты прав: это я! Малабониту и мсье Сенатора ты тоже не должен забыть, верно?

— Везде твердят, что вы погибли, — признался хозяин сухогруза. — Наворотили громких дел в Аркис-Грандбоуле, а потом сгинули с концами. А что стряслось с «Гольфстримом»? Год назад он был таким милашкой, а теперь ну чистый монстр, сбежавший из эскадры Дирбонта!

— Сам видишь, какие настали времена. Вот пришлось и нам себе клыки да когти отрастить, — отшутился я. Рассказывать Пимену о том, как «Гольфстрим» действительно чуть было не влился в южную армию, у меня отсутствовало желание.

— Ладно, хватит глотки драть. Айда все ко мне на борт! — пригласил Цирюльник и дал команде отмашку, чтобы она расслабилась. — Выпьем, закусим, о жизни потолкуем! Расскажешь, чем вы так крепко насолили церковникам и где тебя потом носило.

— Извини, Пимен! И рад бы, да не могу, — был вынужден отказаться я. — Срочный заказ! Клиент платит тройную цену, если через пять дней его груз будет в Аркис-Капетин-

ге. Вот уже две недели несемся, как проклятые, спим по три часа в сутки. Дело хлопотное, но оно того стоит.

— У-у-у, приятель!.. — огорченно протянул Цирюльник, качая головой. — Ну и раскатал ты губу — пять дней! Ты сначала через вон ту дыру проползи... — Он указал на перевал. — Проползи, а уже потом загадывай, когда в Аркис-Капетинге будешь пьянствовать!

— А что не так с той дырой? — любопытствовал я. Как раз в этот момент с перевала спускался сухогруз — первый замеченный нами сегодня бронекат, который не стоял на месте, а двигался. И ехал он нормально, а не задним ходом. Длинные и тяжелые сухогрузы обладают плохой маневренностью. Поэтому они не разворачиваются на склонах и в узких проходах, а врубают реверс и пятятся на нем, пока не выедут из замкнутого пространства.

Бронекат, на какой я сейчас смотрел, прибыл сюда с другой стороны перевала, а следовательно, серьезных препятствий там нет. Где прошел сухогруз, истребитель проскочит и подавно. Но почему Цирюльник так бурно отреагировал, когда я поведал ему о наших ближайших планах?

— С самой дырой все в порядке, — ответил он, но взгляд брошенный им на Сенегальские ворота, искрился злобой. — Просто недавно в ней завелись змеи. И ладно бы, обычный змей-коLOSS — нет, дружище, гораздо хуже! Помнишь Стервятников, что вжимали здесь плату за проезд?

Я кивнул. Мы знали, что артель, ранее промышлявшая у

этого Столпа, тоже почти вся погибла. Горстка ее выживших членов, однако, не разбрелась по свету, а осталась при воротах. И продолжила заниматься тем, чем занималась до этого. А именно: расчищать дорогу своим уцелевшим строймастером. Он же подталкивал в непогоду бронекаты, которые буксовали на раскисшем склоне. Естественно, не задарма. На что, однако, никто не жаловался, поскольку оплата была терпимой и взималась честно. Бронекаты разбивали перевал колесами и вызывали камнепады, поэтому он нуждался в постоянном уходе.

— Не знаю, что стало со Стервятниками, но теперь вместо них на перевале хозяйничают какие-то головорезы, — пояснил Пимен. — Перегородили дорогу трехпалубным дальнобоем и грозят расстреливать всех, кто откажется купить у них пропуск. И знаешь, какую цену ломают за проезд?

Я этого не знал, но уже смекнул, что аппетиты у новых привратников немалые. Так и оказалось. Цирюльник сообщил, сколько товара ему предложили отдать за проезд, и я присвистнул — цена выросла почти в сорок раз!

Это был уже не дорожный налог, а натуральный, беззащитный грабеж!

— И ничем ты этих ублюдков не проймешь! — Пимен в сердцах сплюнул. — Ладно бы мы еще шли с полным трюмом, как в старые добрые времена! А ты иди, глянь, какую мелочовку нам приходится сегодня развозить! Раньше я с места не трогался, пока не набирал как минимум двести

тонн груза! Теперь же гоняю машину из-за жалкой полусотни тонн всякого хлама, лишь бы с голоду не умереть! А если я еще заплачу этим долбаным вымогателям, то даже с командой не рассчитаюсь, не говоря о каком-то доходе!

— А что требуют с них? — я обвел рукой округу, имея в виду шкиперов прочих бронекатов. Судя по запорошенным песком следам, они тоже торчали здесь не первый день и наверняка успели между собой перезнакомиться.

— С сухогрузов и буксиров трясут примерно столько же. А с парнями на штурмовике и вовсе смешная история. Представляешь, им предлагают ограбить нас, поскольку у них в трюме шаром покати. Они ведь не торговцы, а дезертиры, которые напялили накидки паломников и едут в Аркис-Гранд-боул, чтобы строить Ковчег. Боятся, что их не возьмут туда из-за прошлых грехов, и молятся по пять раз на дню. А новые хозяева перевала заставляют их заниматься грабежом! Иными словами, предлагают им наворотить уйму новых грехов, чего им, само собой, делать не хочется.

— Вот дерьмо! — выругался я. Мне казалось, что наши беды начнутся лишь тогда, когда мы настигнем Виллравена. Но они начались гораздо раньше и причем на ровном месте. — Один трехпалубный дальнобой, говоришь? Всего-навсего? И вы даже не попытались прорваться?

— Нобунага, шкипер «Акита-мару», подбил вчера Горластого Басима, шкипера «Ясноглазой Зухры», попробовать вдвоем проскочить через ворота нахрапом, — кисло усмех-

нулся Цирюльник. — Ага, так им и позволили! Ты бы видел, как они потом обратно улепетывали! На дальное тоже не дураки сидят. Знаешь, чем у них катапульти заряжены? Огненными бомбами! Упадет такая штука на палубу, шарахнет осколками, плюнет огнем, и все — кругом одни разорванные, обгорелые трупы. Нашим парням повезло, что вымогатели стреляли не по ним, а по завалам у дороги. Два снаряда всего истратили, но грохоту и пламени было столько, что даже мы чуть заиками не стали. А Нобунага с Басимом, поди, до сих пор с перепугу трясутся и двух слов связать не могут... Давай прорвись, рискни, а мы поглядим. Только когда заживо гореть начнешь, не говори, что Пимен Цирюльник тебя не предупреждал.

— А кто верховодит этой шайкой?

— Кто там у них за главаря, я не знаю, — пожал плечами Пимен. — Но когда мы пробовали договориться, с нами толковали трое северян.

— Северяне?! — переспросил Цирюльника топчущийся позади меня Тунгахоп. Убби тоже наострил уши и направился к нам. — Кто они такие? Они назвали свои имена?

— Нет, не назвали, — ответил шкипер «Принцессы Экватора». — Но я слышал, как один из них называл другого Слэггом.

— Слэгг! — воскликнул домар, и в глазах его вспыхнула ненависть. Да такая, в сравнении с которой злоба Цирюльника выглядела всего лишь детской обидой. — Слэгг... —

повторил он, но уже тише. И добавил так, чтобы слышали только мы: — Если ваш Цирюльник не ошибся, это тот самый Слэгг, который был с Виллравеном, когда он перебил мой сквад, пленил Владычицу и привязал меня к вакту. А может, и не тот. Но я бы не стал верить в такие совпадения.

— Я бы — тоже, — согласился я и заметил с укором: — Однако ты не упоминал о том, что у Виллравена есть бронекаты.

— Я сам об этом впервые слышу, — нахмурился Тунгахоп. — Наверное, Кирк отобрал дальнобой позже у каких-нибудь глупых дезертиров-южан. Но идея перегородить Сенегальские ворота очень даже в его духе. — И, глядя на проезжающий мимо сухогруз, который только что пересек перевал, рассудил: — Даже если один из дюжины перевозчиков платит этим бандитам, они уже не внакладе. Тоже мне, работа: сидеть возле заряженных катапульт, почесывать брюхо и собирать в трюм добычу!

— Ну и чего вы ждете? — вновь обратился я к Пимену. — Раз все настолько плохо, давно бы собрались в караван да рванули в объезд. На что надеетесь?

— А зачем спешить? — хитро прищурившись, отозвался Цирюльник. — Трюм у дальнобоя не бездонный. Как наполнится, северяне и отвалят. Тех, кто платит, здесь тоже хватает. К тому же, глядишь, и на вымогателей найдется управа. Это нам против них воевать бесполезно. Но если бы вместо вон тех дезертиров здесь появились ребята на бронекате

посерьезнее, еще неизвестно, чья бы взяла... Ну так что вы надумали? Поедете договариваться или остаетесь с нами?

Истребитель был не той картой, что могла побить в честной игре дальнобой. А тем более дальнобой, мечущий огненные бомбы. Цирюльник также это знал и не сомневался, что мы побоимся лезть в драку. Какая бы срочность ни гнала нас на Север, нам уже не сдержать контрактные обязательства. В любом случае придется чем-то пожертвовать: или временем, или грузом.

— Выбор у нас невелик, — ответил я на вопрос Пимена. — Но лучше, конечно, опоздать и сохранить товар. Опоздание нам, возможно, еще простят — не те нынче времена, чтобы говорить всерьез о каких-то сроках. А вот за утрату половины груза с меня точно спросят по полной...

Вернувшись к штурвалу, я поставил «Гольфстрим» на стоянку так, чтобы «Принцесса Экватора» загоразживала его от глаз вымогателей. На всякий случай. Их дальнобой был отсюда не виден — его скрывали каменные осыпи и тень нависающего над ним Столпа. Я предполагал, что враг пребывает начеку и не проморгал наше появление. Но поскольку мы не являлись для него угрозой и истребитель было легко разбомбить еще на склоне, вряд ли эта банда беспокоилась насчет нас. Просто взяла на заметку, что прибыл еще один перевозчик, который узнал от собратьев о здешних порядках и остановился поразмыслить о том, как быть дальше.

Нам действительно требовалось хорошенько поразмыс-

лить. Однако прозной враг о том, что мы задумали, его дальнобой тут же скатится с перевала и без разговоров поджарит нас из всех своих орудий.

— Кирка здесь наверняка нет, — уверенно заключил Тунгахоп, когда мы, поставив бронекат на прикол, снова собрались на палубе. — Владычица Льдов не в том положении, чтобы таскаться по хамаде вместе с бандой отморозков. Кирк сильно волнуется за жизнь и здоровье пленницы. Если она умрет от выкидыша или плохого лекарского ухода, Виллравен останется ни с чем. Поэтому он постарается как можно скорее найти на этот товар покупателя и избавиться от обузы. Дальнобоем явно командует Слэгг. Он, конечно, посвящен в планы своего домара, ведь после грабежа они должны где-то встретиться. И если мы захватим кого-то из людей Слэгга, а еще лучше его самого, наверняка выпытаем у них все, что нам необходимо.

— Дельная мысль, — похвалил я товарища, правда, без особого энтузиазма. — Но нас всего пятеро, а противников не меньше дюжины. К тому же они занимают выигрышную позицию, какую нельзя обойти с флангов и тыла, и имеют очень мощное вооружение.

— Я почти уверен, что кое-кто здесь не откажется нам помочь, — заявил Сандаварг и указал на стоящий неподалеку сухогруз «Акита-мару». — Если я правильно расслышал имя шкипера этой развалюхи, он — из того народа, который не привык прощать обиды и поражения. Думаю, нужно потол-

ковать с Нага... Ногу... С этим узкоглазым парнем, загрызи его пес. Не знаю, как насчет его приятеля Басима, но я готов поспорить, что узкоглазый и его команда спят и видят, как бы им поквитаться со Слэггом.

— Терпеть не могу узкоглазых, — проворчал Тунгахоп, — но должен признать, смелости и стойкости им не занимать. А если мы вдобавок пообещаем им долю из того, что лежит в бандитском трюме, этот *Ногунаногу*, или как его там, с радостью прикроет нам спины.

— Ну ладно, уболтали. — Я тоже не особо доверял хитрым и скрытным азиатам. Но других союзников, которые без долгих уговоров согласились бы нас поддержать, поблизости было не найти. — Пускай будет Нобунага — почему бы нет... Только разговаривать с ним мы пойдем, когда стемнеет. Возможно, у него уже созрел свой план мести, но и нам невежливо заявляться на «Акита-мару» с пустыми руками. У вас уже есть какие-нибудь идеи?

— Главное, подобраться к развалюхе Слэгга вплотную и застать его врасплох, — поскребя макушку, ответил Убби. — Вблизи катапульты нам не страшны. Вот только как это сделать? Слэгг явно не дурак. Если мы скажем, что хотим купить пропуск, эти песьи дети не запрыгают от радости, а пришлют к нам кого-то с проверкой, есть ли у нас товар. И что мы им покажем? У нас слишком мало запасов, чтобы так смело блефовать.

— Не хватит запасов, возьмем их взаймы у добрых лю-

дей, — озвучил я только что осенившую меня мысль. И, глядя в удивленные глаза товарищей, пояснил: — Примем в долю Цирюльника. В драку он не полезет, но посильный вклад в общее дело наверняка внесет. И если все пройдет удачно, он вернет свои вложения с процентами. Вообще-то, меня больше волнует не наш полупустой трюм, а вы и команда Нобунаги. Ума не приложу, где вас спрятать. После того как дон Балтазар переделал «Гольфстрим» из буксира в истребитель, у нас совсем не осталось потайных отсеков... А, впрочем, кто сказал, что вас нужно прятать? К чему нам лишняя головная боль и чьи-то проверки? Поступим иначе: навяжем Слэггу свои условия обмена, и пусть только он попробует их не принять!..

Наступления темноты мы дожидались на «Принцессе Экватора». Где совмещали полезное с приятным: отмечали встречу с Цирюльником и заодно уговаривали его дать нам напрокат часть его товара. И то, и другое продвигалось ни шатко ни валко. Но если с выпивкой все было ясно — мы не налегали на нее, поскольку нам еще предстояло идти на «Акита-мару», — то вопрос с товаром уперся лишь в нерешительность Пимена.

Я прекрасно его понимал. Не такими уж мы были приятелями, чтобы выручать друг друга подобным образом. Поэтому я упирал на другое: Цирюльник не помогает нам, а дает крупный заём. Который в скором времени принесет ему солидные дивиденды. Конечно, имелся риск, что никаких ди-

видендов не будет и сам вклад пропадет безвозвратно. Но этот риск был оправдан. На другой чаше весов лежала скорость, с какой обернутся вложенные средства, и прибыль, какую они принесут. При том, что от самого Цирюльника больше ничего и не требовалось. Он не подставлял свою голову под удар, а наблюдал за нами издали. И если мы потерпим поражение, причастность к нашей выходке Пимена останется для Слэгга тайной.

Хорошо, что Цирюльник был тертым бизнесменом и знал, когда можно рисковать, а когда лучше от этого воздержаться. Мимо него проехало немало бронекатов, и Пимен мог легко прикинуть, сколько добра скопилось к этому часу в трюме у Слэгга. Наша победа сулила Цирюльнику не только полную компенсацию простоя, но и навар сверх того. И я сейчас на его месте вряд ли устоял бы перед таким искушением. Не устоял и шкипер «Принцессы Экватора». И когда наступил вечер, захмелевший Пимен уже всюю сортировал в трюме груз, решая, какой товар, если что, будет не жалко потерять.

Мы же тем временем дождались темноты и под ее покровом отправились в гости к шкиперу «Акита-мару».

Подобно всем азиатам, Байган Нобунага был крайне предвзят в наборе команды. Вся она состояла из таких же раскосых, невысоких и шустрых азиатов, исполняющих приказы с похвальным рвением и расторопностью. Такое впечатление, что неторопливо ходить здесь позволялось одному Нобунаге. Прочие члены команды — а было их почти два десятка

человек — передвигались или быстрым шагом, или бегом. А получив приказ, всегда отпускали полупоклон и выкрикивали: «Будет исполнено!» Для меня военная дисциплина на борту торгового бронеката казалась явным перебором, но подчиненные Байгана, похоже, были всем довольны. Я понаблюдал за ними украдкой: никто из них не бросил на сурового шкипера даже косого взгляда, не говоря о том, чтобы начал браниться у него за спиной.

Трап нам опустили не сразу. Наш неожиданный ночной визит заставил команду «Акита-мару» понервничать. Тунгахопу и Убби пришлось поклясться, что они — не пособники вымогателей, а, напротив, их враги. На наше счастье, получивший от Слэгга взбучку Нобунага не утратил веру в клятвы северян. Нас все-таки пригласили на борт, хотя и встретили с оружием наготове. Обо мне Байган тоже, разумеется, был наслышан. Но поскольку шкиперы-азиаты — довольно замкнутое сообщество, моя судьба их не беспокоила и слухи о моих проделках в Аркис-Грандбоуле обошли их стороной.

Цирюльник не ошибся. Нобунага и впрямь был сильно раздосадован тем, что ему пришлось спастись бегством от огненной стихии. И план мести у него тоже имелся. Правда, такой, от которого мне — трезвомыслящему человеку — захотелось в ужасе схватиться за голову. Байган всерьез подумывал о том, чтобы ночью подобраться к дальнобою, прячась за камнями, затем влезть на него с помощью веревок и крючьев, ну а дальше как повезет. В первой половине этой

стратегии была хоть какая-то практичность, но вторая являла собой чистой воды самоубийство. Азиаты понятия не имели, с кем связываются, и вряд ли после такой отчаянной вылазки кто-то из них выжил бы. Удивительно, что они и сами это осознавали. И все равно рвались в бой, сверкая глазами и произнося высокопарные речи о доблести, чести и прочих неодушевленных вещах, умирать за которые в семействе Проныр считалось дурным тоном.

Броситься на врага грудью и погибнуть за высокие идеалы — что может быть глупее и проще? Эта тактика — удел дураков и самоубийц. Куда сложнее напрячь мозги и переиграть заведомо сильного противника хитростью. Однако в нашем случае на одной хитрости далеко не уедешь и без героев наш план никак не обойдется.

Промолчав о том, что я думаю о тактике хозяев «Акита-мару», я предложил им свой вариант возмездия, который, помимо геройской смерти, сулил Нобунаге те же блага, что и Цирюльнику. Этого оказалось достаточно, чтобы Байган признал наш план лучше своего еще до того, как мы выпили за знакомство. Ну а когда мы с ним выпили по третьей, с нами за столом уже сидел Горластый Басим и напрашивался к нам в компанию вместе с пятью членами своего экипажа. После чего попойка на «Акита-мару» переросла в военный совет, готовый отправить в бой целую маленькую армию.

Для нас добыча в грядущей битве имела второстепенное значение, и мы, дабы не урезать доли Цирюльника и Нобу-

наги, согласились отдать Басиму половину своей. И пообещали, что добавим еще четверть той команде, которая возьмет Слэгга живьем, если вдруг Тунгахоп и Убби оплошают. На том и порешили. После чего обсудили последние детали и разошлись по своим бронекатам, договорившись вновь собраться перед рассветом, только уже на «Гольфстриме»...

Девятнадцать азиатов под командованием Нобунаги и шестеро головорезов Горластого Басима, включая его самого, прибыли к нам в условленный срок. И сразу же, не мешкая, перебрались в трюм истребителя. Вслед за ними спустились оба северянина, которым тоже предстояло скрываться до начала заварухи. Такой прорве народу там было тесновато, но никто не жаловался. Также всем было велено помалкивать — любой доносящийся из трюма подозрительный шум мог выдать врагу наш коварный замысел.

Самым хлопотным этапом подготовки было перегрузить на истребитель с «Принцессы Экватора» пару сотен ящиков со всевозможным добром. Пришлось делать это вручную, в предрассветных сумерках, дабы свет факелов не привлек внимание Слэгга к странной ночной суете у подножия перевала. Команда Цирюльника справилась с работой без нашего участия, разместив товар на верхней палубе «Гольфстрима». Однако в дальнейшем нам придется обходиться уже без посторонней помощи. Поэтому я заранее попросил Пимена, чтобы он отобрал для нас не слишком тяжелые ящики.

Погрузка завершилась аккурат к рассвету. Оттягивать

встречу со Слэггом было бессмысленно — наша армия томилась в тесном трюме и это плохо сказывалось на ее боеспособности. Едва сумерки рассеялись, я отправил де Бодье в моторный отсек и велел ему приступить к делу. Впередсмотрящий нам сейчас не требовался, зато мог понадобиться бортстрелок, и Малабонита спустилась на оружейную палубу к «Сембрадорам». Физз хотел остаться у еще не остывшей жаровни, но я спровадил его к Сенатору, чтобы он не мешался под ногами.

Вряд ли мы выглядели подозрительно. Шкипер прибывшего вчера истребителя обдумал за ночь все за и против и с рассветом отправился на переговоры с новыми хозяевами перевала... Чтобы их не нервировать, мы двигались нарочито медленно. Так, чтобы они сразу поняли: это не атака, а призыв к мирному диалогу. С высоты Слэггу было видно, что у нас на палубе нет никого и ничего подозрительного. Наоборот, лежащий там штабель ящиков указывал на то, что наши трюмы забиты до отказа и мы начали складировать груз где попало.

С каждой минутой нависающая над перевалом громада Столпа становилась все ближе, а моя тревога — сильнее. На какие только чудеса ни посмотрелся я за свою жизнь, но подобного не припоминал. В другой раз я, возможно, охотно пощекотал бы себе нервы непривычным ощущением, но сейчас оно мне только мешало. Интересно, к какой категории отнести этот страх? Боязнью замкнутого пространства

ее не назовешь — во впадине под упавшей башней простору хоть отбавляй. Страх быть раздавленным миллиардами тонн металла? Но разве это психический недуг? По-моему, нормальная реакция, свойственная любому человеку, над головой которого нависла такая угроза. Причем вполне реальная, а не призрачная.

Забавная иллюзия: казалось, что до Столпа можно было достать рукой, хотя в действительности он находился над нами на высоте около километра. Понемногу привыкнув к такой «крыше», я перестал обращать на нее внимание и полностью сосредоточился на приближающемся дальнбое. Отсюда он был уже виден, хотя в «дыре», по какой мы ехали, еще царил сумрак. Оставалось надеяться, что нас также вовремя заметят и не поднимут зазря тревогу.

Выемки и каменные осколки на дороге давали понять, что Слэгг подошел к своей работе со всей серьезностью. Прежде чем заряжать в катапульты бомбы, он пристрелял подступы к вершине обычными глыбами. Отметины от них свидетельствовали, что мы въехали в опасную зону. Отныне любое подозрение к нам грозило превратить «Гольфстрим» в огромную печь, битком набитую обугленными трупами. Это по первым строптивцам вымогатели палили не прицельно, а лишь за тем, чтобы хорошенько их припугнуть. Нам такое везение навряд ли улыбнется.

Я старался определить, что происходит на палубах дальнбоя и не подадут ли нам оттуда сигналы, какие мы могли

проморгать в сумерках. И тут случилось такое, что напугало меня едва не до разрыва сердца. Катапульта на верхней оружейной площадке «Торментора» — такое название было начертано у него на борту — внезапно гроыхнула рычагом и швырнула вверх нечто огромное и увесистое.

Бомба!

Она мчится по воздуху к нам, и я при всем старании не успею отвернуть в сторону. Траектория снаряда невысока, и его полет займет три-четыре секунды. Тут даже человеку или всаднику будет трудно уклониться, а ползущему на малой скорости бронекату — тем более...

В последний момент я пригнулся, теща себя надеждой, что стены рубки защитят меня от осколков и пламени. Однако снаряд пролетел мимо и грохнулся оземь рядом с «Гольфстримом». И не взорвался, а лишь раскололся на части так, словно по нам выстрелили обычным камнем...

Ну конечно — камень, а никакая не бомба! Это и был сигнал, который я старался не проворонить. Слэгг тоже не стал уповать на мою зоркость и подал нам самый красноречивый знак, какой только мог придумать.

— Стоп колеса! — скомандовал я Сенатору. И через четверть минуты мы уже стояли на месте и дожидались, что же предпримут хозяева перевала.

В прежние времена все было куда проще. Чтобы пообщаться на расстоянии, перевозчики использовали сигнальные зеркала и световую морзянку. При нынешней пасмурной

погоде это средство связи не действовало. Гуго уже думал над тем, как заменить солнечный свет огнем, но пока безрезультатно. Хреновина, какой Сенатор пытался заменить зеркало, нагревалась докрасна, чадила и обжигала пальцы. Да и какой в ней смысл? Все равно у других шкиперов не было сигнальных «печек», и нам так и так приходилось вести переговоры лицом к лицу.

Еще у перевозчиков имелась своя азбука жестов. Но она была примитивной, малопрактичной и плохо подходила для обсуждения сложных вопросов. Например, таких, как покупка пропуска через Сенегальские ворота. При кажущейся простоте этой сделки она могла таить в себе много коварных сюрпризов. И то, что мы согласились платить, еще не означало, что я подчинюсь всем без исключения требованиям Слэгга.

Спустившись с мостика, я ушел на носовую палубу и через бойницу пронаблюдал, как с «Торментора» свесилась веревочная лестница и по ней на землю слезли трое северян. Надо полагать, Слэгг был среди них. Сразу видно: тертая и осторожная публика. Даже держа нас на прицеле трех катапульти, вымогатели не опустили трап. Опасаются, что в окрестных скалах засели прокравшиеся сюда ночью враги, которые только и ждут момента прорваться на дальнбой. Да, чую, хлебом мы еще горя с этим Виллравеном. Не сегодня, так в скором будущем.

Переговорщики видели, что я стою рядом со скорострель-

ной «Эстантой», но, шагая к нам, не выказывали страха. Мне хотелось послать им ответный привет — пустить им под ноги пару болтов, — но я не стал этого делать. Когда северяне подошли поближе, я просто велел им остановиться. Они подчинились, хотя на их лицах явно читался намек, что мне следует быть повежливее. Я намек понял и, демонстративно отвернув баллестираду в сторону, отошел от нее.

— С кем из вас надо говорить насчет оплаты за проезд? — первым делом осведомился я, пока гости осматривали «Гольфстрим» вблизи.

— Говори со мной. Я тебя слушаю, — отозвался один из северян. По сравнению со своими приятелями он выглядел довольно нескладно. Виной тому были его широченные, мощные плечи и бычья шея, едва ли не превосходящая в диаметре голову. Непропорционально развитая фигура этого северянина напоминала молот на толстой, короткой рукояти. Человек-кувалда не счел нужным представиться, но, судя по описанию Тунгахоба и Цирюльника, это и был Слэгг собственной персоной.

— Внизу поговаривают, что ваши расценки слишком завышены, — с укоризной заметил я, указав на южное подножие перевала.

— Да ну?! — хохотнув, наигранно удивился Слэгг. — Не может быть! Наверное, эти парни нас плохо расслышали. Но ты ведь так не думаешь, раз решил пойти на переговоры, верно?

— Думаю, вы вполне разумные люди, и мы наверняка сможем договориться, — ответил я. — Эта развалюха — не сухогруз. Трюм у нас маленький, но кое-какое барахлишко в нем есть. Возможно, кое-что вам приглянется, поэтому буду рад поделиться. Что конкретно вас интересует?

— Да мало ли что, — развел руками северянин. — Дай нам подняться на борт и самим заглянуть к тебе в трюм, тогда мы и скажем тебе наши расценки. Не тяни волюнку, опускай трап!

— Вот уж нет! — запротестовал я. — К нам на борт вы не поднимитесь, и не мечтайте! Будь у меня тут армия, тогда другое дело, но нас тут раз-два и обчелся! Случись что, нам с вами не совладать!

— Что за дерьмо ты несешь?! — Слэгг и его приятели набычились. — На кой пес вы нам сдались, чтобы с вами драться?

— Не скажите, уважаемый! Я ведь не слепой и вижу, как вы таращитесь на мой «Гольфстрим»! Откуда мне знать, что у вас на уме? Я вас сюда впущу, а вы нас отсюда вышвырните и бронекат себе заберете! Машина-то хорошая, маневренная, проходимая, еще полгода назад под флагом Юга ездила! На такую машину любой позарится, даже благородные северяне вроде вас!

— Ну раз ты считаешь нас благородными, значит, должен поверить нашему слову, что мы не тронем ни тебя, ни твою команду, ни твой бронекат! — Слэгг криво ухмыльнулся.

Хитрый ход. Этот ублюдок и впрямь парень не промах. Но я предполагал, что враг использует подобную уловку, и потому она меня не смутила.

— Я верю вашему слову, — подтвердил я. — Но чтобы успокоить команду, я поклялся ей, что пока мы не пересечем перевал, на нашей палубе не будет посторонних. А команда для меня — это святое! И нарушать данное ей слово я не стану, так что великодушно извините!

— Слушай, ты, пустозвон! — Слэгг явно начинал терять терпение. — Мне плевать, что ты там наобещал своей команде. Уразумей одно: если мы не получим плату, на Север тебе не проехать. Так что или опускай трап, или проваливай обратно, пока мы не разозлились!

— Погодите, не горячитесь! — засуетился я. — Зачем сразу рубить сплеча, если есть выход, который устроит и вас, и нас!

— Что ты предлагаешь?

— Давайте поступим следующим образом. Вы возвращаетесь на «Торментор», мы выгружаем столько товара, на сколько с вами договоримся. Затем мы отъезжаем обратно на безопасное расстояние, вы подъезжаете к товару, загружаете его и пропускаете нас. Не знаю, как вас, а меня такой способ обмена устроит, ведь я вам доверяю. А особенно после того, как вы пообещали, что не тронете нас и наш бронекат.

Пойманный на слове Слэгг сверкнул глазами, но угрожать мне повторно не стал. Наоборот, примолк и задумчиво на-

морщил лоб. Возразить ему нам было нечем: примерную цену за проезд мы выяснили еще вчера и платить не отказывались. Разве что способ для этого выбрали хлопотный, но для шкипера, что переживал за свой транспорт, я вел себя естественно. И если вымогатели начнут ссориться с каждым готовым платить перевозчиком, наполнять трюм «Торментора» им придется долго.

— Какой товар у тебя есть? — наконец подал голос главарь. Насчет предложенного мной способа оплаты он, похоже, не возражал.

Я перечислил имеющийся на «Гольфстриме» груз. Весь, кроме взрывчатки. Вымогатели могли прикинуть на глаз вместимость нашего трюма, видели с дальнобоя лежащие у нас на палубе ящики и поняли, что если я соврал, то ненамного.

— Отдашь нам четвертую часть товара, — повелел Слэгг, не став уточнять, какого именно товара и сколько. Видимо, мы его просто утомили.

— Но почему?! Разве с других вы брали не пятую часть? — попробовал возмутиться я. На самом деле мне было без разницы, сколько ящиков выгружать. Просто я все еще отыгрывал свою роль и не мог не возмутиться неожиданно возросшей цене. А она и впрямь возросла, ведь и Цирюльнику, и Нобунаге, и Басиму было предложено отдать лишь двадцать процентов их груза.

— Цена бы не поднялась, если бы ты ерепенился помень-

ше, — великодушно пояснил Слэгг. И предостерег: — А будешь дальше валять дурака, выгрузишь уже треть товара!

— Не буду! — поспешил заверить я хозяев. — Согласен: четверть — это тоже справедливо! По рукам! Как только вы вернетесь на дальнобой, так мы сию же минуту приступим к разгрузке.

— Только не вздумай подсунуть нам какое-нибудь дерьмо или тухлятину! — наказал мне на прощанье Слэгг. — Учти: лично вскрою и проверю каждый ящик!

— Не волнуйтесь, все будет в полном ажуре! Товар у меня отменный, останетесь довольны! — крикнул я вслед вымогателям. А в мыслях пожелал им поскорее издохнуть. И желательно прямо сейчас, потому что если до них доберется Тунгахоп, на легкую и безболезненную смерть они могут уже не рассчитывать...

Глава 6

Выпускать противника из виду нельзя было ни на секунду. Поэтому разгрузкой занимались лишь я и Малабонита, а де Бодье дежурил на мостике, готовясь в случае чего поднять тревогу. Добить нас из своих баллестирад «Торментор» не мог, а катапульти мы уже не опасались. Вряд ли Слэгг станет стрелять по нам, рискуя товаром, который мы отдавали ему добровольно. Однако его банда могла незаметно сойти на землю с противоположного борта дальнобоя, а затем попытаться добежать до «Гольфстрима», прежде чем мы успеем поднять трап и рвануть наутек. Подобное не исключалось, особенно под конец разгрузки, когда мы уже спустили с палубы почти весь затребованный товар.

Впрочем, пока вымогатели держали слово — наверное, видели, что один из нас стоит на страже и не спускает с них глаз.

После того как все нужные ящики были спущены на дорогу, мы вернулись на истребитель и, также соблюдая договор, дали задний ход и отъехали вниз по склону. Не к подножию перевала, но так, чтобы его хозяева видели: мы им не угрожаем. А пока мы пятились, «Торментор» тоже тронулся с места и медленно покатил к оставленному нами товару. Бортстрелки дальнобоя на ходу корректировали прицелы катапульти, продолжая держать нас под контролем. Склон

был пологий, но нам все равно не удастся быстро развить на нем скорость, даже врубив оба двигателя. Поэтому момент оскаливать зубы и вцепляться врагу в бок еще не наступил. Но ждать этого оставалось совсем недолго.

Хлопотный план с передачей груза заодно позволил нам сосчитать примерное число противников и понять, что вообще происходит на «Торменторе». Глядя, как вымогатели таскают ящики, я заметил, что северян среди них от силы половина. Прочие, судя по всему, были дезертирами-южанами, взятыми Виллравеном в плен вместе со своим дальнобоем. Это были именно пленники, а не приспешники, поскольку головорезы Слэгга все время подгоняли их окриками и тычками. Не знаю, поддержат ли нас южане в грядущей схватке, но на сторону захватчиков они вряд ли встанут. Что меня также хоть немного, но обнадежило.

Самих северян, включая Слэгга, я насчитал дюжину. Возможно, еще трое или четверо не принимали участия в погрузке, приглядывая за орудийными расчетами. Я заметил, что суесящиеся возле катапульт люди — не низкорослые и тоже, скорее всего, являются пленниками. Но то, что северян было значительно меньше, чем нас, еще ничего не значило. Каждый из них стоил в бою как минимум трех бойцов Нобунаги и Басима. И потому мне следовало сделать все возможное, чтобы уменьшить количество противника до того, как мы вступим с ним в открытую схватку.

Стаскав добычу на «Торментор», вымогатели подняли

трап и покатили обратно на вершину перевала. Покатили так же неторопливо, как и спускались, дабы по-прежнему удерживать нас на прицелах катапульта. Двигаясь быстро, дальнобой не может вести точную стрельбу из своих главных орудий. Но когда он еле полз и был готов к стрельбе, гнаться за ним являлось крайне опасным делом.

Еще немного, и «Торmentor» вернется на прежнее место, поэтому я решил, что самое время и нам выдвигаться. Вымогатели получили оплату, убедились, что их не надули, и их подозрительность к нам уменьшилась. Даже если они на самом деле планировали захватить «Гольфстрим», для нас это уже не имело значения. Хочется Слэггу того или нет, но ему придется сразиться с нами либо на нашей палубе, либо на своей.

— Внимание всем! Готовность номер один! Выходим на цель! Время до сближения — десять-двенадцать минут! — прокричал я в коммуникатор, связывающий рубку с оружейной палубой. А Малабонита уже передала мои слова дальше — в трюм, с которым у меня не было прямой связи.

На сей раз я врубил повышенную скорость, и истребитель побежал в гору резвее. Доселе «Торmentor» стоял поперек ворот, тем самым предупреждая всех, что они закрыты. Однако перегородить их целиком он не мог. Со стороны носа и кормы дальнобоя оставалось место для проезда не только истребителя, но и сухогруза. «Торmentor» вернулся на исходный рубеж, но встал немного иначе: откатился к краю до-

роги, практически упершись кормой в скальные нагромождения. Никакого смысла в этом не было. Встань дальнобой, как прежде, мы легко объехали бы его с любой стороны. Значит, это тоже был показной жест: Слэгг давал понять, что он принял подношение и милостиво уступает нам путь.

Как великодушно с его стороны! Одно непонятно: откуда вдруг в свирепом, неотесанном северянине взялась подобная галантность?

Неспроста все это. Явно неспроста... И будь я проклят, если не догадываюсь, что замышляют вымогатели!

Что стоят обещания северян, данные человеку, которого они уже решили прикончить? Ничего, ведь мертвец не спросит у своих убийц, почему те нарушили клятву. Вот и Слэгг, пообещав отпустить нас с миром, вовсе не собирался этого делать. Истребитель — машина редкая, мощная и оценивается в десятки раз больше, чем все добро, какое соберут на перевале вымогатели. Но как захватить истребитель, не повредив его? Разумеется, бомбы для этого не подходят. Остается одно: прижать нас к придорожным скалам, остановить и посадить нам на палубу абордажную команду.

«Торmentor» был гораздо крупнее «Гольфстрима» и весил раза в три больше. Но и разгонялся он, соответственно, дольше. Встань дальнобой на середину дороги, ему не хватит стартового рывка, чтобы рвануть наперерез и припереть нас к скалам. Откатившись же к обочине, враги успеют набрать нужную для тарана скорость. Главное, чтобы мы ни о

чем не заподозрили и продолжали двигаться в открытый нам проход.

И чем ближе мы подъезжали, тем сильнее убеждался я в том, что дурные предчувствия меня не обманут.

Наверное, все до одного северяне вышли на носовую палубу «Торментора». Из-за его высоких бортов торчали только головы противников, и я не мог сказать, вооружены они или нет. Само по себе их собрание выглядело странным. Увидели бы они нас впервые, тогда понятно. Но вымогатели уже достаточно на нас насмотрелись, и сейчас их повышенное внимание к нам выглядело подозрительно.

Катапульты были уже разряжены, но двое северян встали к носовым баллестирадам и навели их на истребитель. Несколько южан — они торчали из-за бортов уже по грудь — тоже вышли к северянам, но почти сразу вернулись обратно. Такое ощущение, словно они притащили сообща нечто тяжелое, потом бросили свою ношу и удалились уже вразброд и налегке. Что это может быть, если не переносной трап, какой вымогатели перекинут на «Гольфстрим», когда остановят его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.